

5

Закон Сэя и классическая денежная теория

ЗАКОН РЫНКОВ СЭЯ

В экономике с развитым разделением труда нормальным для каждого человека средством приобретения товаров и услуг служит способность производить для обмена эквивалентные товары и услуги. Производство не только увеличивает предложение товаров, но и благодаря необходимому покрытию издержек производства также порождает спрос на эти товары. «Продукты уплачиваются за продукты» во внутренней торговле **также, как и** во внешней — **вот** суть закона рынков Сэя. Столь простая мысль произвела фурор, не совсем утихший и по сей день.

Утверждение о том, что «продукты уплачиваются за продукты» ни в коей **мере** не тривиально. В каком-то смысле это начало глубокого макроэкономического анализа. Одно дело говорить, что некая отрасль производит «слишком мало» или «слишком много» с точки зрения независимо **друг** от друга заданных кривых спроса и предложения — кривая спроса на продукцию отрасли определяется на основании дохода, произведенного всеми остальными отраслями, и никак не связана с кривой предложения. Но мы не можем в этом же смысле говорить о всей экономике как производящей слишком мало или слишком много, так как **совокупные** спрос и предложение не являются независимыми друг от друга. Спрос на продукцию любой отрасли должен увеличиваться в реальном выражении тогда, когда предложение всех отраслей растет, потому что именно предложение создает спрос на продукцию этой отрасли. Закон Сэя, следовательно, предостерегает нас от применения к макроэкономическим показателям суждений, выведенных из микроэкономического анализа. Отдельный товар может быть произведен в избытке относительно всех остальных товаров, относительное перепроизводство сразу всех товаров никак не может **произойти**.

Кажется, что речь идет о терминологии: не следует говорить «общее перепроизводство» или «общее недопроизводство», так как логически это абсурд. Но, разумеется, это абсурд только в бартерной экономике. Можно говорить о перепроизводстве лишь относительно чего-либо: рассматривая все товары в экономике и не упоминая о деньгах, мы исключили все, по отношению к чему товары могут быть произведены в избытке. Избыточное предложение отдельного товара означает недостаток спроса на него относительно всех прочих товаров, потому что их предложение в обмен на этот товар характеризует именно **спрос**; избыточному предложению на один из товаров обязательно соответствует избыточный спрос по меньшей мере на один из остальных товаров. Следовательно, в бартерной экономике не может быть такого явления, как превышение предложения над спросом для всех товаров. Но в денежной экономике общее избыточное предложение товаров логически возможно, так как это просто предполагает существование избыточного спроса на деньги. Если говорится о применимости закона Сэя к реальному миру, то этим утверждается нереальность избыточного спроса на деньги. «Нереальность» в этом случае вряд ли может означать логическую невозможность. Должно подразумеваться, что спрос на деньги не может быть всегда избыточным, потому что это соответствует ситуации неравновесия. Перед тем как выяснить, что же подразумевал сам Жан Батист Сэй, мы должны обратиться к

идее равновесия на денежном рынке. Сделав это, значительно легче объяснить **значение** закона Сэя в классической теории.

1. Тождество Сэя

Предположим, что в замкнутой экономике есть n благ. Если взять любое из них в качестве единицы отсчета, установив его цену равной единице и выразив через нее цены всех остальных благ, тогда необходимо будет определить $n-1$ обменных соотношений или относительных цен. Например, пусть x_1 — пшеница, x_2 — яблоки и x_3 — апельсины, причем 2 яблока обмениваются на 1 единицу пшеницы ($x_2/x_1 = 2$) и 1 апельсин на 2 единицы пшеницы ($x_3/x_1 = 1/2$). Относительные цены будут **обратны** этим обменным соотношениям, т.е. $p_2/p_1 = \frac{1}{2}$, $p_3/p_1 = 2$. В этом случае должно быть справедливо, что 4 яблока будут обмениваться на 1 апельсин ($p_2/p_2 = p_3/p_1 \cdot p_1/p_2 = 4$). Полный набор обменных соотношений для нашей системы, состоящей **из** трех товаров, прямо задается двумя относительными ценами и тождеством единицы масштаба цен, в нашем случае — цены пшеницы. Масштаб цен может **быть** установлен равным единице или какому-либо другому выбранному числу, скажем некоторому количеству долларов. Фактически такой вид денег служит лишь абстрактной счетной единицей; она может существовать и в предметной форме, но в этом нет никакой необходимости, торговля носит характер бартера. Никто не держит эти деньги как таковые и никто не стремится к обладанию ими. Этот тип счетных денег резко отличается от денег, находящихся в обращении в реальной денежной экономике, так как кроме счетной функции они служат еще и средством сохранения ценности.

В экономике, где используются только счетные деньги, средством обращения служит **товар**, ничем не отличающийся от остальных товаров, — суммарная ценность предложения всех товаров всегда в точности равна совокупному спросу на них. Суммируя спрос и предложение по всем n благам (включая товары и деньги), можно записать это тождество как

$$\sum_{i=1}^n p_i D_i = \sum_{i=1}^n p_i S_i. \quad \bullet$$

Это тождество (обычно именуемое **законом Вальраса**) просто формулирует логическую невозможность перепроизводства всех товаров в бартерной экономике, где деньги есть лишь счетные единицы. Однако, когда одно из благ функционирует не только как средство обращения, но и как средство сохранения ценности, суммарный спрос на $n-1$ товаров будет равен их совокупному предложению только в случае, если спрос на деньги (A_n) равен их предложению (S_n). Мы заменяем знак тождества на знак равенства и записываем:

$$\sum_{i=1}^{n-1} p_i D_i = \sum_{i=1}^{n-1} p_i S_i$$

тогда и только тогда, когда $D_n = S_n$. Это следует из факта, что совокупный спрос на деньги равен ценности всех товаров, **предложенных** к обмену на деньги:

$$D_n = p_1 S_1 + p_2 S_2 + \dots + p_{n-1} S_{n-1} = \sum_{i=1}^{n-1} p_i S_i.$$

А совокупное предложение денег равно ценности всех товаров, на которые **предъявлен** денежный спрос:

$$S_n = p_1 D_1 + p_2 D_2 + \dots + p_{n-1} D_{n-1} = \sum_{i=1}^{n-1} p_i D_i.$$

Следовательно, на протяжении определенного промежутка времени любое расхождение между спросом **и** предложением должно проявляться как положительный или отрицательный избыточный спрос на деньги: **либо** $D_n > S_n$, **либо** $D_n < S_n$. Избыточному предложению товаров соответствует избыточный спрос на деньги. Если ED_i — избыточный спрос на товары, ES_i — избыточное предложение товаров, ED_n — избыточный спрос на деньги, тогда:

$$\sum_{i=1}^{n-1} p_i D_i - \sum_{i=1}^{n-1} p_i S_i = \sum_{i=1}^{n-1} E D_i = \sum_{i=1}^{n-1} E S_i = E D_n.$$

Что означает выражение «избыточный спрос на деньги»? Здесь имеется в виду, что какое-то время люди испытывают недостаток наличности и могут исправить положение, лишь предъявляя спрос на меньшее количество товаров, нежели предлагается. Теперь видно, что утверждение о логической невозможности общего перепроизводства в денежной экономике равносильно утверждению, что вектор ED_n ил 0: люди держат имеющиеся денежные средства в форме запасов наличности и не испытывают желания изменить эту сумму ни путем покупок за счет этих средств, ни путем пополнения их путем собственных продаж. Согласно сложившейся практике мы будем именовать эту сильную версию закона Сэя «тождеством Сэя».

Тождество Сэя означает, что денежный рынок всегда находится в равновесии, потому что независимо от уровня цен люди выносят товары на рынок лишь для **того**, чтобы «немедленно» использовать вырученные деньги для предъявления спроса на другие товары. Возможно, на первый взгляд это предположение не **представляется** достаточно веским. Подразумевается, что изменение уровня цен никак не затрагивает взаимосвязь товарных и денежного рынков — предельная норма замещения товаров на деньги, по определению, равна 0. Это, в свою **очередь**, значит, что состояние товарных рынков тоже не затрагивается: изменение уровня цен никогда не приводит к замещению одних товаров **другими**.

Тождество Сэя может быть выражено в форме так называемого постулата однородности: функции избыточного спроса на товары зависят только от относительных **цен**, а **не** от абсолютного их уровня, или, используя язык математики, функции спроса на товары являются «однородными степени ноль относительно цен в денежном выражении». Однородные функции обладают тем свойством, что если каждый ее аргумент умножить на константу, то функция увеличится в число раз, равное некоторой степени этой константы — степень ее однородности. Например, для однородной функции $f(x, y)$ и константы 2:

$$\text{нулевая степень однородности: } f(2x, 2y) = 2^0 f(x, y) = f(x, y)$$

$$\text{первая степень однородности: } f(2x, 2y) = 2^1 f(x, y) = 2f(x, y)$$

$$\text{вторая степень однородности: } f(2x, 2y) = 2^2 f(x, y) = 4f(x, y),$$

или, в общем, $f(\lambda x, \lambda y) = \lambda^m f(x, y)$, где λ — произвольная положительная константа и m — степень однородности функции. Мы уже встречали однородные функции первой степени, не называя их так, при рассмотрении производственных функций, обладающих свойством постоянного эффекта масштаба: удвоение количества ресурсов x и y ведет к удвоению выпуска. Здесь же $f(x, y)$ есть функция спроса на товар, цена которого равна x , цены остальных товаров обозначены через y . Если эта функция спроса является однородной степени ноль, то при удвоении всех цен спрос на этот товар остается неизменным. Это легко показать. Взяв однородную функцию спроса степени ноль относительно x и обозначив y, \dots, z цены остальных товаров, получим $D_x = f(\lambda x, \lambda y, \dots, \lambda z)$. Принимая $\lambda = (y/x)$, имеем $D_x = f(1, y/x, \dots, z/x)$. Функция от n независимых переменных была заменена на эквивалентную ей, в которой зависимыми переменными являются $n-1$ отношений. Эти отношения есть относительные цены, и функция спроса относительно x варьирует с изменением $n-1$ относительных, а **не n** абсолютных цен. Заметим, что на самом деле мы вернулись к счетным деньгам, где x играет роль единицы измерения. Разумеется, **если** в системе присутствуют только счетные деньги, все функции спроса однородны степени ноль относительно абсолютных цен, так как в действительности не существует никаких абсолютных цен в денежном выражении.

В мире, где тождество Сэя имеет место, деньги являются «вуалью», которая может быть поднята без анализа абсолютных цен. Но, конечно, это справедливо только потому, **что** мы сконструировали денежную экономику, а затем ввели условие, по сути приравнивающее ее в действии к бартерной. В бартерной экономике люди никогда не смогли бы изменить сумму обладаемой ими наличности по причине ее отсутствия. Введение в рассмотрение денег при абстрагировании от их функции средства сохранения ценности ничуть не продвигает нас далее. Зачем тогда вся эта болтовня о

тождестве Сэя? Классики часто говорили о невозможности общего перепроизводства в денежной экономике; тождество Сэя расшифровывает значение этих утверждений, Но прежде чем **спросить**, на самом ли деле Сэй, Рикардо и Джон Стюарт Милль придерживались тождества Сэя, необходимо рассмотреть роль денежной теории в экономике, где $ED_n \equiv 0$.

2. Дихотомизация процесса ценообразования

Утверждение **О** том, что рынок **какого-либо** товара **всегда** находится в **равновесии**, т.е., что избыточный спрос на этот товар тождественно равен нулю, — равносильно неопределенности цены этого товара. Какие бы факторы ни определяли эту цену, их природа **внерыночна**. Таким образом, тождество Сэя, подразумевающее, что денежный рынок всегда находится в равновесии, оставляет ценность денег неопределенной. В математическом смысле эта неопределенность — результат недостаточного числа экономически значимых уравнений для нахождения неизвестных. Для p товаров мы имеем p известных функций спроса и предложения, только $n-1$ из которых являются независимыми. При данных $n-1$ функциях p -я полностью определена: любой набор цен, удовлетворяющий $n-1$ функциям, удовлетворяет и p -й: согласно закону Вальраса всеща можно исключить одно уравнение. Таким образом, имеются $n-1$ неизвестных цен на товары, или $n-2$ неизвестных цен на товары плюс неизвестная ценность денег, а также $p-2$ известных функций избыточного спроса на товары и известная функция избыточного спроса на деньги. Правда, последняя не является уравнением в полном смысле слова, так как согласно тождеству Сэя $ED_n \equiv 0$. Итак, для вычисления $n-1$ неизвестных у нас есть только $p-2$ уравнений — неопределенная система.

Это послужило основанием для известного критического замечания, сделанного Патинкиным уже в наше время, будто классическая и неоклассическая теории «дихотомизировали процесс ценообразования»: они определяли относительные цены на товарных рынках и абсолютные цены на денежном **рынке**, что с необходимостью предполагает неизменность количества денег на руках у населения независимо от уровня товарных цен. Но если люди предъявляют спрос на номинальные денежные остатки по той **причине**, что поступления и расходы не могут быть в полной мере синхронизированы (транзакционный мотив обладания наличностью) или в связи с неопределенностью будущего (мотивы предосторожности и спекулятивный) этот спрос на деньги, а именно спрос на реальные кассовые остатки, будет варьироваться с каждым изменением ценности денег или уровня цен. «Пропущенное уравнение», о котором мы говорили выше, есть нечто подобное кембриджскому уравнению:

$$D_n = k \sum_{i=1}^{n-1} p_i S_i = M,$$

где k — доля совокупного товарного предложения в денежном выражении, которую люди пожелали бы держать в качестве кассовых остатков, и M — предложение денег.

Коэффициент k кембриджского уравнения формально идентичен фишеровскому $1/V$ [однако см. гл. 15, раздел 2] — можно сказать, **что** люди в среднем желают держать сумму, равную определенной доле объема своих операций Γ , скажем, $k = \frac{\Gamma}{V}$, или можно сказать, что M обращается **12** раз в год, $V = 12$. Первая интерпретация отражает «теорию остатков», тогда как вторая — «теорию движения», скорости обращения денег. В любом случае главная мысль такова: если цены растут, люди стараются возместить потери реальных остатков своих средств. Это означает, что они увеличивают объем предложения товаров и услуг, одновременно сокращая спрос. Функции спроса на товары изменяются по причине роста абсолютных **цен**, и «постулат однородности» не соблюдается.

3. Тождество Сэя и количественная теория денег

Возьмем последний пример в долгой истории осмысления выводов из тождества Сэя. Тождество Сэя вытекает из чисто локковской версии количественной теории **денег**:

ценность денег определяется исключительно их количеством, находящимся в обращении. Действительно, главным образом количественная теория денег приводила к «дихотомизации» процесса ценообразования». Достижением количественной теории денег явилось то, что она показывала, что деньги сами по себе не конституируют богатства. Однако, фокусируя внимание исключительно на роли денег как средства обращения, она вела к игнорированию взаимосвязи между товарным и денежным рынками, проистекающей от функции денег как средства сохранения ценности.

Эта теория может быть представлена равенством $MV = PT$ или $M/P = T/V$. По Локку, постоянство отношения M/P , соответствующее строго пропорциональным изменениям денежной массы и уровня цен, низводит это равенство до тождества. Отмечалось, что люди, исходя из транзакционного мотива, предъявляют спрос на данное количество наличности, т. е. M/P . «Каждый индивид должен обладать по меньшей мере таким количеством денег или своевременных денежных поступлений, чтобы быть в состоянии немедленно или в течение короткого промежутка времени удовлетворить требования своего кредитора, поставляющего все необходимое для жизни и производственной деятельности этого индивида», — писал Локк в 1691 г. Казалось бы, здесь утверждается, будто стабильный спрос на денежную наличность сохраняет определенное соотношение денежной массы к объему торговли. Однако нежелание допустить возможность взаимно независимых изменений M и P приводит к выводу, что любой прирост объемов операций просто покрывается изменением скорости обращения денег. Аналогичным образом увеличение количества денег в обращении всегда поглощалось изменением уровня цен вне всякой связи с операциями на товарных рынках. Иными словами, утверждения о том, будто уровень цен целиком и полностью определяется количеством денег в обращении, — что M и P изменяются взаимно пропорционально, а T определяется исключительно естественными факторами, — равносильны отрицанию любых мотивов обладания наличностью, включая даже транзакционный, и в конце концов приводят к трактовке денег как счетной единицы. Абсолютные цены никак не связаны с происходящими на товарных рынках процессами только в случае, когда деньги не обладают иными функциями, кроме средства обращения.

Так как ценность денег есть отношение между их количеством, с одной стороны, и совокупным товарным предложением, — с другой, ни одна из этих сторон не может быть определяющей для соотношения. Все факторы, влияющие на MVT , в той или иной степени определяют уровень цен. Однако в страстном желании отрицать какое бы то ни было воздействие денежных факторов на объем торговли, многие сторонники количественной теории денег раннего периода искали утешения в доктрине, гласящей, что уровень цен определяется исключительно предложением денег M , и таким образом действительно дихотомизировали процесс ценообразования, отрицая все мотивы обладания наличностью как средством сохранения ценности, и в результате верялись тождеству Сэя.

4. Равенство Сэя

Теперь мы имеем все необходимое для осмысления существа классической денежной теории. Верно ли, что экономисты-классики придерживались тождества Сэя? Как мы выяснили, все утверждения, отрицающие любые мотивы держать наличность (деньги есть только средство обмена; деньги — вуаль, поскольку относительные цены определяются исключительно вещественными факторами; предложение автоматически создает соответствующий ему спрос безотносительно к уровню цен; абсолютные цены всегда изменяются пропорционально объему денежной массы), являются выражением сути тождества Сэя. Многие экономисты классической школы в действительности высказывали подобные мысли — без труда можно отыскать многочисленные утверждения такого рода в работах Рикардо, Мак-Кулоха, Сениора, Торренса, Джеймса Милля и Джона Стюарта Милля. Но перед тем, как прийти к заключению, что все они грешили дихотомизацией процесса ценообразования, мы должны отделить поверхностные утверждения о незначительности денег как таковых, когда автор не заботится

о логических выводах, следующих из такого рода высказываний, от проделанного в явном виде анализа проблемы динамики цен в денежной экономике².

Известно, **что** все экономисты-классики знали о периодических кризисах. Рикардо написал специальную главу, посвященную торговым кризисам в послевоенный период и рассматривал возможность возникновения безработицы в результате технических нововведений. Его последователи явились свидетелями кризисов **1825, 1836** и 1847 г., и каждый из них понимал, что экономика свободного предпринимательства подвержена периодическим колебаниям деловой **активности**. Чтобы ни означал для них закон Сэя, они отнюдь не считали единственной причиной падения цен в реальном мире изменение количества денег. Более того, все они были знакомы с эффектом **Кантильона**, отвергающим «постулат однородности». Согласно Кантильону, изменения цен, вызванные «впрыскиванием» наличных денег в экономику, варьируются в зависимости от природы «впрыскивания», а изменения абсолютных цен почти всегда сопровождаются изменением относительных цен [см. гл. 1, раздел 8]. Они не могли не осознавать бессмысленности предположения, что совокупный спрос всегда равен совокупному предложению независимо от уровня цен и что отклонения от состояния полной занятости не могут иметь места. Скорее, они развивали мысль, что экономика совершенной конкуренции всегда тяготеет к полной занятости.

Депрессия не может тянуться бесконечно, поскольку предложение формирует спрос на микро- и макроэкономическом уровнях через автоматическую коррекцию **цен** и процентной ставки. Это и есть «равенство Сэя», согласно которому избыточное предложение товаров или избыточный спрос на деньги имеют тенденцию к саморегулированию. Если складывающийся уровень спроса демонстрирует невозможность продажи всех товаров по **цене**, покрывающей издержки и приносящей нормальную норму прибыли, цены должны снизиться. Покупательная способность денежного номинала увеличится, и каждый индивид окажется обладателем реально возросшего запаса денег; налицо ситуация избыточного спроса на деньги. При стремлении индивидов уменьшить объем наличных средств, находящихся в их распоряжении, спрос на товары возрастает вплоть до момента поглощения избыточного предложения на товарных рынках. Нулевой избыточный спрос на деньги есть условие равновесия, так как цены и процент будут падать, пока существует избыточный спрос на наличные деньги. Аналогичная аргументация применима и к обратному случаю роста цен при избыточном спросе на товары. Следовательно, «предложение создает соответствующий спрос» не безотносительно к динамике цен, а благодаря ей. Исходя из этого абсолютные цены определяются той же совокупностью факторов, что и относительные: для каждого набора относительных цен существует соответствующий единственный уровень абсолютных цен, при котором денежный рынок находится в состоянии равновесия. Это справедливо для изолированной экономики в той же степени, что и для открытой, за исключением того, **что** в открытой экономике уровень цен выполняет дополнительную функцию балансирования экспорта и импорта. Таким образом, становится ясно, что равенство Сэя не приводит к дихотомизации процесса ценообразования.

5. Равенство Сэя в классических трудах

Классики никогда не подвергали детальному анализу равенство Сэя, но их работы сплошь и рядом **опираются** на неявно постулированный процесс саморегуляции, нивелирующий отклонения от полной занятости. **Мы** уже видели, что Рикардо отстаивал закон Сэя как имеющий силу безотносительно к колебаниям цен и процента в **той** же самой главе, где он объясняет, как изменение процентной ставки регулирует спрос на инвестиционные фонды [см. гл. 4, раздел 24]. Достаточно любопытно, что Жан Батист Сэй критиковал Рикардо за формулирование тождества Сэя и подчеркивал функцию процента как механизма, уравнивающего сбережения и инвестиции. В другом месте он удовлетворялся почти кейнсианским утверждением, что производство не может быть **увеличено** без **дополнительного** дохода **для получения** прироста **выпущенной** продукции. Кстати, сам он никогда не использовал фразу «предложение создает

соответствующий спрос» при формулировании своего закона рынков; эти слова — изобретение Кейнса, и в явном виде никогда до него не использовались. Джеймс Милль и Мак-Куллох обсуждали этот вопрос в своих трудах, иногда имея в виду тождество Сэя, иногда равенство Сэя. Однако единственным классическим автором, давшим четкое представление о проблеме, был Джон Стюарт Милль. Во втором очерке его «Нерешенных проблем политической экономии», опубликованном в 1844 г., но написанном еще в 1830 г., он продемонстрировал прежде всего полное понимание того, что тождество Сэя имеет силу только для счетных денег в экономике бартерного типа:

Для того, чтобы применить довод о невозможности избыточного предложения всех товаров к случаю, когда рассматривается в том числе и средство обращения, сами деньги должны интерпретироваться как товар. Без сомнения, не может быть избытка денег и одновременно избытка всех остальных товаров.

«Полезность денег», однако, состоит в возможности делать покупки без необходимости продавать что-либо и

... вполне может быть, что на некоторый момент времени у индивида есть весьма обычное намерение продать как можно быстрее, сочетаемое со склонностью отсрочить все покупки как можно дальше [избыточный спрос на деньги]. Это действительно так в те промежутки времени, которые получили название периодов общего избыточного предложения. И после необходимых разъяснений никто не будет оспаривать саму возможность общего избыточного предложения в этом смысле слова.

Далее следует детальное объяснение, почему недостаток предложения денег должен быть временным, и, несмотря на то, что аргументация носит не совсем строгий характер, различие между тождеством и равенством Сэя едва ли может быть проиллюстрировано лучше. Милль не тратит много слов на объяснение эффекта реальных остатков: для него снижение абсолютного уровня цен уменьшает общественный спрос на наличность, но не по причине роста реальной ценности наличных денег, а в связи с ожиданием скорого окончания падения цен. Тем не менее, рассмотрен автоматический балансирующий механизм. Обсуждение этого вопроса в «Принципах» Милля аналогично содержанию «Очерков». Правда, в самом начале «Принципов» Милль доказывает, что «деньги, как таковые, не удовлетворяют никаких потребностей». Это относится к разделу, где резко критикуется меркантилистская позиция идентификации денег и богатства, и Милль сразу же продолжает говорить, что полезность денег происходит из предоставления продавцу возможности купить товар «в наиболее удобное для него время». В первых трех разделах главы «По поводу избыточного предложения» вновь формулируется тождество Сэя. Именно здесь Милль пишет, что «все продавцы неизбежно, по определению, являются покупателями», и это утверждение цитируется Кейнсом с целью показать, что у Милля представление закона Сэя никоим образом не отличается от рикардианского. Но в четвертом разделе главы Милль опять говорит о «недостатке предложения денег» в период экономического кризиса и в другом месте этой же книги дает живое описание (а не теорию) начала кризиса и процесса восстановления равновесия [см. гл. 6, раздел 19].

6. Кейнс и закон Сэя

Когда экономист классической школы утверждает невозможность перепроизводства, он имеет в виду не периодические кризисы, а перманентную стагнацию. В состоянии ли капиталистическая экономика абсорбировать постоянные приросты производственных мощностей без нарушения границ, внутренне присущих системе? Равенство Сэя отвечало на этот вопрос утвердительно: при условии гибкости цен система стремится к равновесию с полной загрузкой мощностей. Классические экономисты никогда не формулировали это предположение сколь-нибудь строго, однако всегда считали его убедительным доводом в области сравнительной статики.

Известно утверждение Кейнса о том, что развитая экономика совершенной конкуренции в действительности не тяготеет к состоянию полной занятости. Негибкость заработной платы и цен, низкая эластичность инвестиционного спроса по проценту, «ловушка ликвидности» — любая из этих причин может быть достаточной помехой для достижения равновесия при полной занятости. К этому он мог бы добавить, что

даже если равенство Сэя является убедительным доводом в области сравнительной статистики, оно не в состоянии продемонстрировать достижимость равновесия с полной занятостью в динамике: процесс продвижения к состоянию равновесия во времени может сместить саму точку равновесия, так что равновесное состояние всегда преследуется, но никогда не достигается. Но вместо того, чтобы признать теоретическую обоснованность равенства Сэя в соответствующих границах, — и этого вполне достаточно, чтобы отвергнуть ужасные предсказания о перманентном состоянии перепроизводства, — а затем указать на ограничения, лишающие его практической значимости в условиях развитой экономики, Кейнс предпочел нападать на тождество Сэя, приверженность которому он приписывал всем предшествующим экономистам*. В результате критики Кейнса закону Сэя стало придаваться значение, несоразмерное с его действительной ролью в классической и неоклассической теории.

Должно быть, многие читатели «Общей теории» были удивлены высказыванием, будто основой рассуждений Маршалла является закон Сэя, который в его **“Принципах”** исчерпан одним абзацем. Кейнс объяснял это так: закон Сэя являлся столь ортодоксальной доктриной, что Маршалл не затруднял себя его разъяснением. Но гораздо убедительнее **объяснение**, что к 1890 г. вопрос о возможности (или невозможности) перманентного перепроизводства был полностью разрешен. Вместо утверждения: «если люди не тратят свои деньги одним способом, они потратят их иначе», являющегося одной из версий закона Сэя у Кейнса, Маршалл отметил: «хотя люди обладают возможностью **покупать**, они могут и не пользоваться ею» и на этом остановился. Отсутствие дальнейших рассуждений может озадачить, но, конечно же, здесь нет никаких предположений о том, что избыточный спрос на деньги всегда с необходимостью равен нулю.

7. **Прямой** механизм

Теперь мы должны более внимательно рассмотреть классическую концепцию равенства Сэя. А именно: каков механизм, возвращающий рынки к состоянию равновесия после отклонения от него? Мы уже видели, что тождество Сэя устраняет потребность в какой **бы то ни было** теории денег. Наоборот, равенство Сэя придает особое значение функционированию денежных рынков. Поиск обоснования равенства Сэя относится поэтому непосредственно к области классической теории денег.

Классическая денежная теория распадается на два направления, каждое из которых соотносит уровень цен и количество денег в экономике: концепцию «прямого механизма», изложенную **Кантильоном** и Юмом, и концепцию «косвенного механизма», впервые установленную Торнтоном и затем повторенную у Рикардо. Общим местом классического анализа являлось утверждение, что рост денежной массы воздействует на цены непосредственно через его ранее произошедшее влияние на спрос: увеличение денежных поступлений повышает расходы, так как люди удовлетворяют свои потребности имеющимися у них наличными средствами. Доктрина XVIII в., определяющая количество денег в экономике потребностями в совершении сделок, основывалась на существовании стабильного спроса на «рабочую» **наличность**³. Как мы уже видели, и Юм, и Кантильон уделяли внимание характеру распределения дополнительно введенной в экономическую систему наличности, включая различные лага этого процесса. В результате они продемонстрировали, что рост количества денег повышает цены в той же пропорции только в случае нейтрального распределения избыточных наличных средств, т. е. если начальные средства всех индивидов увеличиваются в равной пропорции. Как писал Юм, если **представить**, будто все денежные

* Этот факт объясняет выражение Кейнса «классическая экономическая наука», **обозначающее** широкую плеяду ортодоксальных экономистов от Смита до **Пигу**, павших жертвой закона Сэя. Мы используем это выражение в устоявшемся смысле, имея в виду всех последователей Адама Смита вплоть до Дж. Ст. Милля и Дж. Э. Кернса. Впервые этот термин употребил Маркс в специфическом смысле, назвав так школу политической экономии, которая «исследовала действительные производственные отношения буржуазного общества», от Петти до Рикардо в Англии и от Буагильбера до Сисмонди во **Франции**.

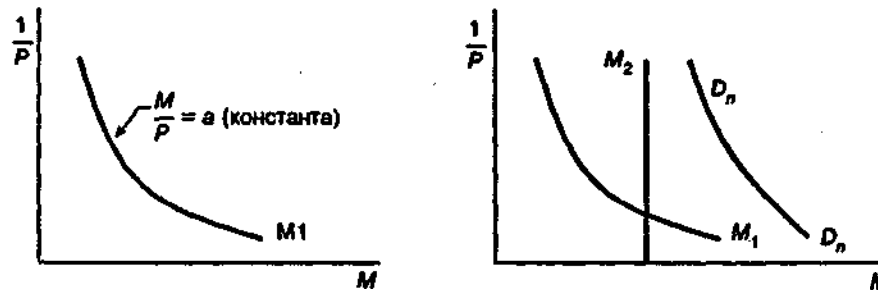

Рис. 5-1

средства в один прекрасный момент удвоились, тогда цены начнут расти и в этом специальном случае вырастут вплоть до их удвоения.

Этот пример имел особое значение в истории денежной теории, и мы должны рассмотреть его достаточно тщательно. Начнем с построения кривой спроса на номинальные денежные средства как функции от уровня цен. Этот спрос складывается из **транзакционного** спроса на активную наличность (M_1) и спроса на пассивную наличность, или «сокровище», по спекулятивным соображениям (L/g). Как и Локк, будем считать, что кривая **транзакционного** спроса имеет вид равносторонней гиперболы (см. рис. 5-1). По этой причине произведение абсциссы и ординаты каждой точки кривой есть константа. Но так как ордината показывает относительную цену денег — объем реального дохода, который приходится на одну денежную единицу, а абсцисса — объем спроса на деньги, площадь любого сегмента, ограниченного этой кривой и координатными **осями**, выражает реальную ценность наличных средств, на которые предъявлен спрос. Представляя кривую транзакционного спроса на наличность в виде равносторонней гиперболы, мы говорим, что при росте цен люди предъявляют спрос на большее количество номинальной наличности, но лишь для сохранения реальной ценности «рабочей» наличности. Теперь мы прибавляем спрос на пассивную наличность, выраженный согласно кейнсианской традиции как функция от процентной ставки [см. гл. 16, раздел 1]; таким образом, функция M_2 изображена не зависящей от уровня цен (см. рис. 5-1). Складывая графики обеих функций спроса, получаем D_n кривую спроса на все денежные средства, которая с необходимостью имеет более крутой наклон, нежели равносторонняя гипербола (проверьте и убедитесь, что если сдвинуть последнюю на определенное расстояние вправо, она перестает быть равносторонней).

Таким образом, кривая спроса на номинальную наличность наклонена круче, чем равносторонняя гипербола. Она отнюдь не демонстрирует пропорциональное изменение количества денег и уровня цен. На самом деле здесь показано изменение спроса на номинальную наличность в связи с изменением цен: кривая спроса каждого индивида направлена вниз, поскольку при более высоких ценах индивид обычно держит больше номинальных средств, но наклон ее **больше**, чем у равносторонней гиперболы, так как при возросших ценах этот индивид будет держать меньше денег в реальной их ценности. Форма кривой в каждом случае зависит от соотношения склонностей к обладанию реальными покупательными резервами и к потреблению. В нормальном случае, когда ни наличность, ни товары не являются «внутренними» благами, т. е. такими, стремление обладать которыми уменьшается с ростом дохода, кривые спроса индивидов и, следовательно, кривая совокупного спроса на номинальную наличность будут отклоняться вниз с **эластичностью**, меньшей единицы. Кривая спроса единичной эластичности (равносторонняя гипербола) будет свидетельствовать, что индивид при падении цен, несмотря на улучшение своего положения, не изменит сумму реальной наличности. Но типичный индивид предпочтет уменьшить свою номинальную наличность, чтобы при том же уровне дохода купить по сниженным ценам больше товаров.

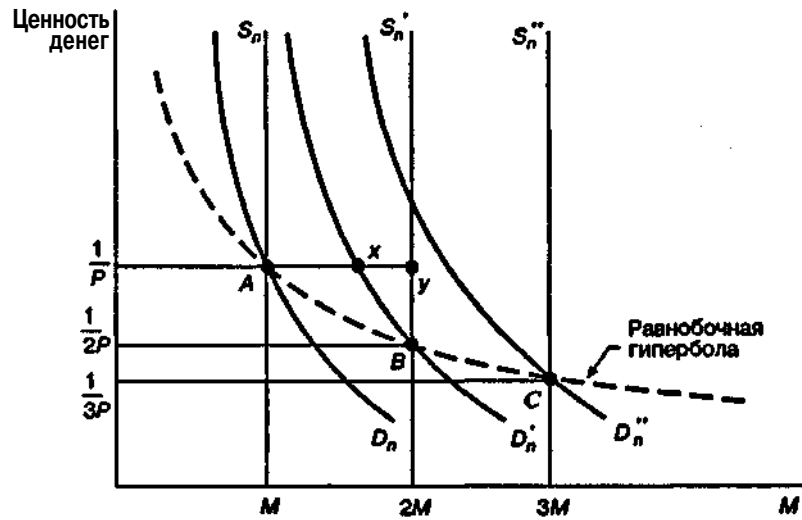

Рис. 5-2

Теперь построим кривую предложения денег, определяемого экзогенными факторами. В условиях золотого стандарта предложение денег само является функцией от уровня цен, но в целях настоящего рассмотрения удобно иметь в виду сегодняшнее положение дел, когда предложение денег определяется банковской политикой. Начиная от состояния равновесия между денежной массой и уровнем цен в точке A пересечения D_n и S_n , мы будем удваивать предложение денег, распределяя прирост средств в равной пропорции относительно начальных средств индивидов; имеется в виду так называемое нейтральное увеличение M (см. рис. 5-2). Кривая спроса сместится вправо (DD''_n), потому что при большем количестве денег в экономике, но прежнем абсолютном уровне цен люди предпочтут покупать больше товаров и, следовательно, пожелают иметь больше номинальной наличности для финансирования возросшего объема сделок. Возникает избыточное предложение денег, тождественно равное избыточному спросу на товары. Избыточный спрос на товары оказывает на цены повышательное давление вплоть до уровня $1/2P$ (заметьте, что если бы кривая D_n сместилась так далеко, что ху стало бы равняться нулю, увеличение количества денег не затронуло бы уровня цен). Цены должны вырасти в той же пропорции, что и количество денег, так как в противном случае кто-то будет иметь в распоряжении неиспользуемые денежные средства, которые вовсе не желает держать в качестве таковых, и это приведет к дальнейшему росту цен. Если бы A являлась точкой равновесия, люди должны были бы удовлетвориться размером их реальной наличности. Предложение денег удвоилось — цены должны удвоиться, ни больше ни меньше, если реальная ценность наличности в новой точке равновесия равна их ценности в точке A . Таким образом, в точке пересечения B имеем $2M/P = M/P$; аналогично и для точки C .

Рассмотрим теперь кривую ABC — траекторию равновесия спроса и предложения. Эта равносторонняя гипербола иллюстрирует при прочих равных условиях влияние нейтрального роста количества денег в экономике на абсолютный уровень цен. Она показывает, что индивиды не стремятся скорректировать свой спрос на реальную наличность, если предложение денег и уровень цен изменяются в равной пропорции. В состоянии равновесия предложение не оказывает никакого влияния на принимаемые индивидами решения по поводу потребления и инвестиций, так как все «реальные» величины остаются без изменения. Но это справедливо только в состоянии равновесия.

Повторим: мы начали анализ с того момента, когда денежная масса и уровень цен находятся в равновесии, затем проварьировали одну из независимых переменных —

в данном случае, количество номинальных средств каждого из индивидов — и показали, что система возвращается к состоянию равновесия при пропорциональном росте цен и денежной **массы**. Это типичный пример сравнительной статики, демонстрирующий при корректном изложении правильность количественной денежной теории. Наше представление теоремы о том, что пропорциональное увеличение денежных средств каждого индивида приводит к росту цен в той же **пропорции**, заимствовано у **Патинкина**. Эта теорема никогда строго не формулировалась классиками, но она раз за разом затрагивалась у Юма, Рикардо, Джона Стюарта Милля и многих других [см. гл. 6, раздел **15**], и вполне можно считать, что они понимали ее **суть**, включая предпосылки, необходимые для ее **истинности**.

8. Косвенный механизм

Теперь обсудим теорию косвенного механизма, связывающего деньги и цены, — второе направление классической **денежной** теории. Было отмечено, что количественная теория денег не придает какого-либо явного значения процентной ставке, а без этого любая денежная теория не может обладать достаточной **ценностью**. Уравнение обмена на самом деле не имеет **никакого** отношения к процентной ставке, однако количественная теория денег и **тождество $MV = PT$** представляют собой разные **вещи**. В любом случае классическая теория косвенного механизма, связывающего **M и P** , уделяет особое внимание денежной ставке процента. Косвенный механизм был впервые установлен Генри **Торнтоном** в его работе «Принципы бумажноденежного кредита в Великобритании» (1802), наиболее выдающейся **работе** по денежной теории классического периода, и затем дословно повторен Рикардо и **Миллем**. Аргументировалось это так: денежное равновесие в экономике с наличием неденежных активов существует, только когда ставка процента на денежном рынке равна норме прибыли на вложенный капитал на товарных рынках. Дополнительное поступление денег на кредитный рынок может произойти только через банковскую систему; возросшее предложение заемных средств понижает процентную ставку ниже уровня нормы прибыли; объем кредитования возрастает с ростом цен на инвестиционные **блага**, стимулирующим спрос на займы. В конце концов возросший спрос на заемные средства сравняется с их предложением. Тем не менее, все время, пока ставка процента остается ниже нормы прибыли, спрос на займы остается ненасыщенным. Вскоре спрос на кредит уравнивается с предложением, и ставка банковского процента опять начнет расти. **Если** реальная норма прибыли осталась неизменной, равновесие устанавливается только в случае возвращения ставки процента к прежнему уровню. Цены выросли, но процентная ставка осталась без изменения. Итак, в состоянии равновесия процентная ставка не зависит от количества денег в обращении.

Теория двух ставок процента — реальной и рыночной — столетие спустя была самостоятельно переоткрыта **Викселлем**, который был удивлен, обнаружив, что эта идея не нова [см. гл. 15, раздел 3]. Рикардо использовал ее, чтобы показать возможность неограниченного распространения эмиссии банкнот Банка Англии при условии, что ставка банковского процента держится на достаточно низком уровне; конвертируемость банкноты в условиях золотого стандарта лишает Банк возможности регулировать ставку дисконта, по крайней мере в пределах 5% согласно Закону о ростовщичестве; неконвертируемость, однако, позволяет Банку сдерживать инфляцию, искусственно подавляя ставку дисконта [см. гл. 4, раздел 27]. Совершенно вне связи со сказанным Торнтон подчеркивал связь денежного и товарных **рынков** и показывал далее, что классическая теория, будучи правильно интерпретирована, не приводит к разделению процесса ценообразования.

9. Сбережения, инвестиции и образование сокровищ

Согласно традиционной интерпретации классической теории процентная ставка устанавливается на рынке заемных средств или, по выражению Кейнса, «рынке долговых обязательств». Ставка процента на денежном рынке зависит от спроса и предложения заемного капитала, иначе говоря, от инвестиций и сбережений соответственно.

Редко указывалось, что финансирование инвестиций может также осуществляться за счет резервов или инфляционного банковского кредита. Что касается Рикардо, он усердно отрицал, что «кредит может породить капитал». Мы рассмотрим мысль, согласно которой инфляционная кредитная экспансия не способна моментально вызвать экономический рост — это не что иное, как спорная теория «принудительного сбережения». Гораздо легче считать, что инвестиции никогда не финансируются за счет накоплений. Под «образованием сокровищ» мы понимаем выведение части доходов из сферы текущих расходов без привлечения их на непотребительские нужды, другими словами, создание запасов наличности. На протяжении классического периода этот термин всегда использовался в уничижительном смысле: только скряга предпочтет держать в запасе больше наличности, чем это необходимо для ведения операций. Строго говоря, типичная **классическая** характеристика образования сокровищ как «аномалии» должна подразумевать, что люди никогда не держат сбережения в форме наличных денег и не осуществляют инвестиции за счет последних. Избыточный спрос на деньги тождественно равен нулю, и мы опять вернулись к тождеству Сэя и неопределенности абсолютных цен.

Следовательно, в денежной экономике сбережения и инвестиции не должны всегда обязательно равняться предложению и спросу на заемные средства. Но в положении равновесия это будет справедливо, так как равновесие предполагает удовлетворенность каждого индивида объемом располагаемой наличности. Таким образом, ясно, что последовательное толкование классической теории приводит к отрицанию утверждения о равенстве запланированных сбережений и запланированных инвестиций. Такого рода высказывание является просто кейнсианским объяснением функционирования рынка заемных средств. Так как классические экономисты придерживались скорее равенства Сэя, нежели тождества, они вполне должны были допускать предусмотренную у Кейнса возможность того, что намеченный уровень сбережений может и не реализоваться. Косвенный механизм обладает тем достоинством, что он фокусирует внимание на величине спроса на кредитном рынке как функции от ставки процента. Для любого объема предложения реальных сбережений и банковского кредита существует уровень цен, приравнивающий ставку процента к данной норме прибыли и таким образом обеспечивающий равновесие на рынке заемного капитала. Понятно, что если запланированные сбережения превышают запланированные инвестиции, то ставка процента снизится, а уровень цен возрастет, восстанавливая равновесие. Единственное различие между этими доводами и аргументацией Кейнса состоит в том, что согласно последнему сбережения есть функция от дохода, тогда как в классическом анализе сбережения есть сложная функция от ставки процента и уровня цен, выраженных через инвестиционные возможности. У Кейнса к равновесию приводят вариации уровня дохода, в классической теории — изменения цен и ставки процента. Все это маскируется тем фактом, что классики почти никогда не употребляли термин «инвестиции» и говорили о сбережении, имея в виду не процесс, а скорее его результат, т. е. действительно сбереженные средства; у них слово «сбережения» уже подразумевало их инвестирование в дополнительные капитальные блага. Иначе говоря, предполагается по сути отождествление сбережений и инвестиций, но это никак не могло иметься в виду. Однако совершенно справедливо, что неудачные попытки раскрыть процесс достижения равновесия часто вынуждали классических авторов принять за отправную точку результаты сравнительной статистики и обсуждать взаимосвязи между переменными, подразумевая постоянное равновесное состояние рынка.

Хотя большинство классиков в явном виде не делали различия между сбережением и ссужением, с одной стороны, а также инвестициями и получением кредитов, с другой, они не настаивали на том, что ставка процента определяется исключительно объемами сбережений и инвестиций. Теория ссудных фондов, предполагающая влияние денежного рынка на процентную ставку, обсуждается у **Торяттона** и Рикардо и со знанием дела развивается в гл. 23 книги III «Принципов» Милля [см. гл. 6, раздел 15]. В связи с тем, что Джон Стюарт Милль определял сбережения как доход, «не **потреб-**

ленный лицом, которое осуществляет сбережения», а сокровище как доход, «не потребляемый вообще», можно заключить, что выражение «запланированные сбережения» в современном смысле эквивалентно классическим сбережениям плюс сокровища, так как избыток «запланированных сбережений» над запланированными инвестициями в современном анализе производит тот же эффект, что и увеличение тезаврации у классиков.

10. Реальная норма процента

Согласно классической теории рыночная ставка процента определяется совсем не количеством денег в обращении — экономисты-классики придерживались реальной теории процента. Процентная ставка управляется теми же реальными факторами, что и норма прибыли, так как в состоянии равновесия эти показатели равны. Этот вывод — естественное следствие рассмотренных ранее предпосылок, согласно которым нейтральное удвоение денежной массы M влечет за собой удвоение уровня цен P . Если $2M = 2P$, тогда люди будут предлагать и запрашивать в точности удвоенную величину заемных средств, от которых зависит ставка процента. Первоначальное избыточное предложение ссуд снижает процентную ставку. Когда, наконец, цены удваиваются, реальное количество денег в экономике становится равным прежнему и, таким образом, пересечение кривых спроса и предложения определяет тот же уровень процентной ставки. При удвоении всех издержек финансирование любого инвестиционного проекта требует ровно вдвое большее количество средств. Норма дохода от инвестиций при этом не изменяется, так как с удвоением издержек удваиваются и ожидаемые денежные поступления. Когда в результате роста цен дополнительное количество денежных средств поглощается возросшим оборотом, люди увеличивают спрос на заемные средства в той же степени, в какой банки увеличивают их предложение, и равновесная ставка процента остается в конечном счете неизменной.

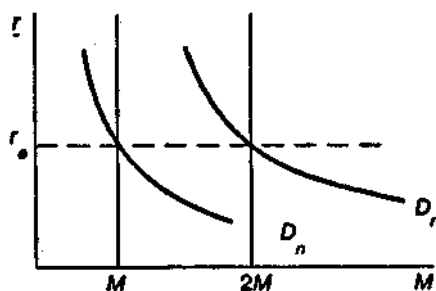

Рис. 5-3

Такова в чистом виде логика реальной теории процента, которой придерживалась классическая школа. Кривая совокупного спроса на деньги имеет отрицательный наклон по отношению к процентной ставке, но траектория рыночного равновесия, соединяющая все точки равновесия спроса и предложения, всегда горизонтальна (см. рис. 5-3). Индивид будет предъявлять больший спрос на деньги, если процентная ставка снизится при прочих равных условиях (включая неизменность абсолютного уровня цен). Но если он держит денежный запас только для совершения определенного *реального* объема операций, то, после удвоения цен при данном уровне процентной ставки ему понадобится иметь вдвое больше денег. Агрегировав этот результат по всем индивидам, получим заключение классической теории об инвариантности процентных ставок относительно предложения денег.

11. Принудительное сбережение

Согласно кейнсианской теории удвоение денежной массы не приводит к удвоению уровня цен, но при этом воздействует на процентную ставку. Это происходит потому,

что **кейнсианская** функция спроса на деньги, в частности спекулятивного, учитывает «денежную иллюзию» или реакцию индивидов на любое, даже номинальное, **изменение** запасов наличности. Если имеет место денежная иллюзия, то на денежном, кредитном или товарных рынках классические теоремы не соблюдаются.

Аналогичным образом, если прирост количества денег не распределяется **пропорционально** начальным денежным запасам индивидов, соответствующая аргументация утрачивает всякое подобие строгости. Допустим, дополнительные средства попадают **в** руки капиталистов с относительно низкой склонностью к потреблению. Последующий рост цен изменит структуру совокупного продукта в пользу инвестиций и вызовет неуклонное снижение процентной **ставки**. Это, несомненно, результат действия эффекта **Кантильона**. Экономисты классической школы, следовательно, прекрасно понимали, что с помощью определенных способов вложения наличности можно «создать капитал» и таким образом добиться неуклонного снижения процентной ставки. Все подобного рода исключения объединяются рубрикой «принудительное сбережение», возможность которого в той или иной степени допускалась всеми экономистами классической школы.

Доктрина принудительного сбережения явилась одним из многих теоретических результатов дискуссии о металлизме. Главная мысль довольно проста: предположим, **что** в экономике с полным использованием имеющихся ресурсов существует избыточное предложение заемных средств в результате «впрыскивания» денег в экономику либо из-за вовлечения в оборот ранее не использованных денежных средств, так что объем инвестиций уже не ограничивается произвольными решениями по поводу сбережений получателей дохода. Рыночная ставка процента падает, и спрос на инвестиционные фонды растет. Но если мощности уже полностью загружены, откуда возьмутся необходимые материальные ресурсы для инвестиций? Если они не явятся результатом добровольного **сбережения**, тогда они должны проистекать от вынужденного сбережения. **И это** в точности **то**, что происходит на самом деле. Дополнительные средства для капиталовложений «выжимаются» посредством роста цен из получателей фиксированных доходов.

Торнтон называл процесс принудительного сбережения «присвоением дохода», Бентам — «вынужденной умеренностью», Мальтус окрестил его «фиктивным капиталом», Милль — «принудительным накоплением». После Милля он назывался «навязанным сбережением» у Викселля, «автоматическим урезанием» или «навязанной нуждой» у Д.Х.Робертсона и «реальным сбором» или «фальсификацией контрактов» у **Пигу**. Все эти авторы были едины по поводу смысла доктрины, по крайней мере в ее денежных аспектах.

Единственным значительным экономистом, отрицавшим теорию **принудительного** сбережения, был Рикардо. После своей критики избыточной эмиссии банкнот, проводившейся Банком Англии, он, вероятно, не симпатизировал идее инфляционного увеличения реальных инвестиций. В то же время он признавал, что увеличение количества бумажных денег в обращении может перераспределить доход в пользу предпринимателей в связи с запаздыванием роста заработной платы по отношению к росту цен. Правда, это не совсем то же, что «принудительное сбережение», так как здесь увеличение сбережений абсолютно добровольно. Рикардо рассматривал проблему принудительного сбережения с точки зрения краткосрочного временного горизонта, утверждая, что затруднительное положение в сфере потребления вызывает рост цен потребительских товаров, таким образом ограничивая степень действительной материализации избыточного предложения денежных средств в дополнительные реальные капиталовложения. Более того, с ростом денежных доходов в процессе инфляции возросший потребительский спрос в конечном счете переместит ресурсы обратно в сектор потребительских товаров.

Трудно сказать, в какой мере скептицизм Рикардо был оправдан. Ясно, что чем более эластично предложение товаров и производственных факторов, чем более постепенно происходит «впрыскивание» денег в экономику и чем значительнее число

получателей фиксированных доходов, тем более убедительна доктрина принудительного сбережения. В целом инфляция посредством вовлечения в оборот неиспользуемых ресурсов способствует увеличению реального выпуска продукции. Доктрина принудительного сбережения, возможно, не представляет особого значения для ситуации полного использования всех ресурсов. Тем не менее, факт остается фактом: все экономисты классической школы, включая Рикардо, допускали возможность влияния, пусть незначительного, одной только денежной экспансии на долгосрочную процентную ставку и, следовательно, на норму прибыли. Правда, не существовало единого мнения по поводу эффекта Кантильона — Рикардо и Джеймс Милль уменьшали его значение. Но не было и догматического отрицания определенной обоснованности денежной теории процента при должном ее изложении.

12. Заключение

В ретроспективе совершенно очевидно, что путаница по поводу классической денежной теории происходит исключительно из-за внешнего сходства между обоснованной формулой сравнительной статики (согласно которой в состоянии равновесия, когда денежные средства вводятся в систему соответствующим нейтральным способом, объем денежной массы не влияет на относительные цены) и высказываниями, отрицающими возможность положительного влияния дополнительного притока денежных средств на объем выпуска продукции. Даже безоговорочное утверждение о том, будто количество денег не влияет на относительные цены, не обязательно означает, что его автор согласен с тождеством Сэя. Как Рикардо, так и Милль высказывали подобные суждения там, где речь идет об определении относительных цен; в другом месте, иногда несколькими страницами ниже, они уже обсуждают движение от одной точки равновесия к другой, при котором «впрыскивание» наличности в экономику определенно воздействует на относительные цены, включая процентную ставку. На самом деле они, возможно, за исключением Милля, не представляли себе полностью логическую структуру этой проблемы и поэтому частенько своими рассуждениями вводили читателя в заблуждение. Однако, как только проблема равенства Сэя возникла в явном виде, она анализировалась, по крайней мере строго с формальной точки зрения, хотя и неполно.

Меркантилисты придерживались денежной теории процента. Классическая школа — реальной теории **процента**. Кто был прав? В настоящее время легко можно понять, что этот вопрос бессодержателен, так как он предполагает дихотомизацию ценообразования. Однако, если процентная ставка, о которой мы говорим, равновесна, тогда несомненно, что она в большей степени определяется на «реальных» рынках, а не на денежном рынке. Кроме того, классическая теория процента имеет более общий характер, потому что включает в себе элементы как реальной, так и денежной теории, тогда как последняя, особенно в условиях золотого стандарта, оставляет само количество денег неопределенным и никак не связанным с товарными рынками. Так что не зря мы ранее говорили о теоретических достижениях «реального» анализа [см. гл. 1, раздел 9].

ТЕОРИЯ ПЕРЕПРОИЗВОДСТВА МАЛЬТУСА

Замечено, что наилучшие аргументы для протекционизма можно почерпнуть у фритредеров, тогда как наилучшие доводы в пользу возможности общего перепроизводства предоставляют последователи закона Сэя. Сам Мальтус никогда не выдвигал логичного опровержения закона рынков, вероятно, потому, **что** в действительности не видел оборотной стороны этой теории. Если бы он просто хотел указать, что состояние перепроизводства возможно и весьма вероятно, в его распоряжении было бы любое количество доводов. Он мог бы утверждать, что инвесторы очень чувствительны к ожиданиям будущей прибыли и утрата ими уверенности вследствие плохого урожая или оттока золота из страны достаточна для придержания дохода в форме резервных средств; без сомнения, **падение цен** в конечном счете должно восстановить равновесие,

но процесс дефляции сам по себе способен подорвать уверенность инвесторов, и поэтому восстановление равновесия может быть долгим и болезненным. Или он мог бы указать, что недостаточная гибкость банковской ставки процента приводит к тому, что денежная масса растет с запаздыванием по отношению к растущему объему производства; это вызывает снижение уровня цен — в конце концов, в британской экономике после 1821 г. наблюдалось устойчивое падение цен, и так как заработная плата жестко ограничена снизу уровнем прожиточного минимума, этот процесс влечет за собой потери во всех сферах экономики. Но Мальтус избегал подобных аргументов по той простой причине, что хотел продемонстрировать возможность отнюдь не *преходящего*, а *перманентного* состояния перепроизводства всех товаров. Основной постулат Мальтуса: без экзогенных расходов «непроизводительных потребителей» процесс накопления капитала неизбежно приводит к вековой стагнации.

13. Концепция Мальтуса

Мальтус осложнил свою задачу отрицанием всех чисто денежных причин кризисов. Он также не использовал для подтверждения своих выводов факт недостаточной гибкости цен и заработной платы. **Но** хуже всего то, **что** он, как **и** все современные ему экономисты, понимал под сбережением «превращение дохода в капитал», т. е. ставил знак равенства между сбережением и накоплением. «Ни один из современных теоретиков в области политической экономии, — отмечал он, — не может понимать под сбережением образование сокровищ». Избыточное предложение созданных банковским кредитом заемных средств предположительно сводится на нет вследствие падения рыночной ставки процента и роста цен; в любом случае Мальтус не оспаривал логики «косвенного механизма» Рикардо — Торнтона. В его трудах нет никаких указаний на решительный, кейнсианского толка, разрыв с ортодоксальной теорией, когда сбережения представляются функцией дохода в большей степени, нежели процентной ставки, иначе говоря, избыточные сбережения погашаются падением уровня дохода. Мальтус последовательно придерживается концепции Смита: сбережения есть расходы [см. гл. 2, раздел 14]. В рамках подобной модели было бы затруднительно вывести даже временный недостаток эффективного спроса, вызванный избыточным сбережением. Однако цель Мальтуса была более амбициозна. Основой его анализа явилось типичное заблуждение о «недопотреблении», и его труды представляют собой в лучшем случае значительный **этап** в долгой истории этой одиозной доктрины. Чтобы раскрыть смысл этого, отвлечемся на время от нашего изложения для рассмотрения стандартной аргументации приверженцев этой доктрины.

14. Доктрина недопотребления

Идея доктрины недопотребления состоит в том, что совокупный спрос частного сектора в изолированной экономике *всегда* недостаточен или всегда угрожает стать недостаточным для приобретения всей товарной массы по ценам, покрывающим издержки. Эта теория имеет грубую и утонченную версии. Наиболее грубый вариант игнорирует факт равенства совокупного спроса сумме потребления и инвестиций. Утверждается, что большинство потребителей составляют рабочие, которые никогда не могут выкупить обратно произведенную ими же продукцию, так как ее ценность заведомо превосходит ценность выплаченной заработной платы. Следовательно, для обеспечения воспроизводства необходим определенный объем расходов из прибыли и ренты на предметы роскоши и услуги непроизводственного характера. Мальтус действительно **в** ряде случаев использовал этот довод, но не остановился на этом в обосновании своей концепции. Конечно, легко показать, что именно потребление лендлордов и капиталистов, а также инвестиции, осуществляемые последними, приводят к установлению таких цен на потребительские товары, что отдельно взятые рабочие оказываются не в состоянии их выкупить. Тем не менее, это не мешает совокупной ценности произведенной продукции быть в точности равной совокупному доходу.

Табл. 5-1 представляет простой пример двухсекторной экономики, в которой рабочие не сберегают ничего, а имущие классы имеют среднюю склонность к потребле-

Таблица 5-1

	Производство потребитель- ских товаров (долл.)	Производство инвестицион- ных благ (долл.)	Итого (долл.)
Заработная плата	40	10	50
Прибыль и рента	40	10	50
Стоимость выпущен- ной продукции	80	20	100

нию, равную **0,6**. Объем продаж потребительских товаров (80) равен сумме расходов на потребление рабочих (50), а также лендлордов и капиталистов (30). Так как нетрудовой доход равен **50**, сбережения равны инвестициям (20). Потребление (80) + инвестиции (20) = суммарный объем выпуска (100) = совокупный доход. Этот вывод имеет силу как для экономики, находящейся в стационарном состоянии, в которой инвестиции представляют собой необходимое замещение изношенных средств производства, так и для растущей экономики, в которой чистый объем инвестиций положителен. Он справедлив, кроме всего прочего, потому, что имущие классы тратят свой доход полностью; но если бы они не делали этого, выпуск продукции и совокупный доход были бы соответственно ниже. Без сомнения, на Мальтуса оказал определенное влияние вывод Кантильона о том, что расходование рентных поступлений зависит от склонностей класса землевладельцев, так как рента в отличие от заработной платы и прибыли не является необходимым элементом издержек производства. Но пока склонность лендлордов к расходам постоянна, неполное расходование ими рентных поступлений не приводит ни к каким кризисам. Сама по себе нестабильность структуры расходов может объяснить циклические флуктуации, но никак не вековую стагнацию, а именно последняя интересует нас в данный момент.

Согласно более утонченной версии теории недопотребления совокупный доход в экономике за любой период времени равен сумме издержек всех факторов производства, и пока инвестиции покрывают разность между доходом и потреблением, любой заданный уровень дохода может поддерживаться сколь угодно долго. Однако инвестиции создают не только доход, **но** и дополнительные мощности в **последующие** периоды времени. Если потребление и инвестиции следующего года не изменились по отношению к текущему году, то должны появиться избыточные мощности. Наличие избыточных мощностей отбивает заинтересованность в инвестировании, так как позволяет производителю удовлетворить существующий спрос при меньших капиталовложениях. Как только снижается объем инвестиций, уменьшаются и доходы, наступает спад. Выходит, что падение доходов вовремя исправляет положение, выводя из оборота избыточные мощности. Как только экономика выправляется, проблема возрождается вновь. Ясно, что для погашения результата постоянного роста мощностей необходим неуклонный рост доходов. Недостаточно, чтобы год за годом инвестиции и потребление вели себя одинаково — они должны увеличиваться экспоненциально. Теперь настал момент для решающего довода, порождающего выводы доктрины недопотребления. Разумеется, абсурдно ожидать постоянных темпов роста как потребления, так и инвестиций от года к году. Заметьте, что любой акт сбережения ведет к урезанию спроса на потребительские товары, а когда сбереженные средства инвестируются, одновременно растет товарное предложение. Парадоксально, но задача выглядит наиболее трудно разрешимой, именно когда сбережения и инвестиции взаимозависимы. Мы подошли к самой сути позиции Мальтуса: теории недопотребления на основе пересбережения.

Тот парадокс, что сбережение как таковое создает затруднения, разрешить легко. Слишком уж много утверждается ради одной мысли, будто покупательная способ-

ность *всегда* недостаточна для поглощения всей произведенной продукции. Следовательно, проблема должна свестись к объяснению, почему вообще случаются такие явления, как экономический бум. Первоначально недостаток платежеспособного спроса, вызванный сбережением, покрывается инвестициями эквивалентного объема. В течение следующего периода времени предложение потребительских товаров растет, но издержки производства обычно снижаются именно благодаря осуществленным ранее инвестициям. Это высвобождает покупательную **способность** и дает возможность приобретать дополнительную продукцию. Правда, издержки могут и не снизиться в достаточной мере, тогда для создания дополнительной покупательной способности необходим рост инвестиций. Мы снова вернулись к вызывающей сомнения теории неуклонного роста инвестиций в абсолютном выражении.

Теория избыточного сбережения Мальтуса является лишь одной из версий доктрины недопотребления. Социалистическая версия гласит, что с ростом совокупного дохода доля заработной платы в нем снижается и начинается застой. Вариант Кейнса — Хансена представляет стагнацию результатом снижения нормы прибыли от капиталовложений. Но ядром всех этих версий является отрицание возможности неограниченного роста потребления и инвестиций с постоянным пропорциональным темпом.

15. Экспоненциальный рост

Невозможность экспоненциального роста интуитивно представляется столь очевидной, что большинство поражается, узнав об экспоненциальном росте сбережений, инвестиций и дохода в течение длительного времени. Соотношения сбережения/доход и потребление/доход оставались почти неизменными в развитых экономиках начиная с 1870 г. — к сожалению, достоверные данные за более ранние периоды отсутствуют. Так как реальные доходы росли на 2% ежегодно, инвестиции и потребление также должны были расти на 2% в год. Потребление и инвестиции вдоль линии тренда неуклонно увеличивались в абсолютном выражении год за годом.

Это говорит о том, что так могло происходить, но ничуть не доказывает, что так и должно происходить. Однако мы не стремимся доказать невозможность вековой стагнации, а скорее хотим опровергнуть тезис о ее неизбежности. Инвестиции действительно приумножают производственные мощности, но это не обязательно влечет за собой кризис когда-либо в будущем. Всегда существует некоторая норма инвестиций, достаточно высокая для создания спроса на дополнительно произведенную — благодаря капиталовложениям предыдущего периода — продукцию. Это может быть продемонстрировано с помощью ныне известного уравнения Харрода — Домара. Макроэкономическое равновесие требует равенства запланированных сбережений S и запланированных инвестиций I . Разделив на Y = доход, имеем

$$\frac{S}{Y} = \frac{I}{Y} = \frac{\Delta K}{Y}$$

Пусть Δ — приращение дохода за некоторый промежуток времени. Тогда

$$\frac{S}{Y} = \frac{\Delta K \Delta Y}{Y \Delta Y} = \frac{\Delta Y \Delta K}{\Delta Y \Delta Y}$$

или $G = s'/z$, где G — темп роста дохода, $\Delta Y/Y$; s' — средняя склонность к сбережению; S/Y , принимаемое равным $\Delta S/\Delta Y$, предельной склонности к сбережению, ig — природная норма **капиталоотдачи**, $\Delta K/\Delta Y$. Так как все переменные относятся к одному промежутку времени, z играет роль «акселератора», ΔY является независимой переменной и ΔK — зависимой, показывающей долю инвестиций, вызванных изменением дохода того же года. Тем не менее, при условии рассмотрения двух периодов времени, нужно трактовать z как коэффициент продуктивности, ΔK как независимую, а ΔY как зависимую переменную, показывающую прирост дохода следующего года, вызванный приращением капиталовложений в этом году. Нет никакого явного повода считать, что функция $g = g(I)$ обратна функции $\Delta Y = f(I)$. В большинстве формулировок модели **Харрода-Домара** g определяется как «акселератор», но в оригиналь-

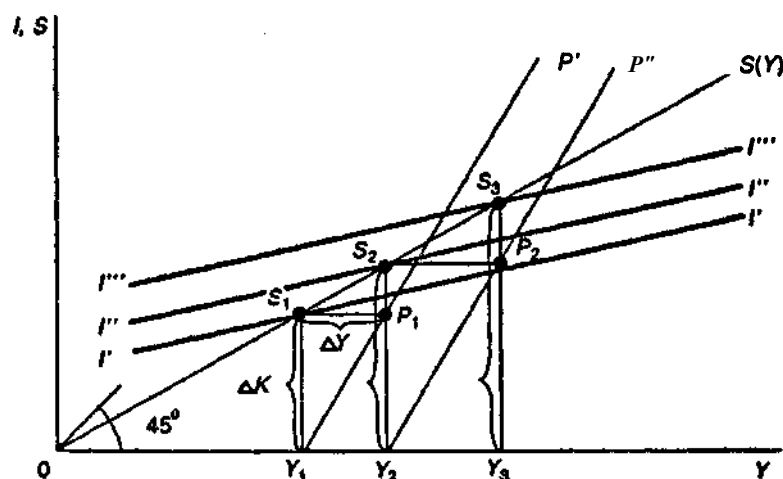

Рис. 5-4

ной постановке Домара z трактуется как коэффициент производительности. Мы будем использовать оба значения приростной нормы **капиталотдачи z** .

Далее, монотонный рост **требует** равенства запланированных сбережений и запланированных инвестиций, что в свою очередь предполагает полную загрузку вновь созданных производственных мощностей: если реализованный объем инвестиций какого-либо года равен I , мощности в следующем году должны вырасти **на I/z** и доход должен расти теми же темпами при условии, что инвестиционные намерения будут осуществлены. Таким образом, если в течение любого года существует потребность в полном использовании мощностей, она удовлетворяется увеличением нормы инвестирования на I/zY или на s'/z процентов в следующем году.

Эта аргументация может быть проиллюстрирована графически с помощью незначительного изменения диаграммы краткосрочного образования национального дохода, взятой из элементарных учебников (рис. 5-4). Предполагая, что предельная и средняя склонности к сбережению равны, мы проводим функцию сбережения через начало координат. Функция инвестиций изображена обычным образом, чтобы показать, что $I = f(\Delta Y)$, — заметьте, что это не то же, что $I = f(Y)$, — а пересечение этих двух функций определяет равновесный уровень дохода. Теперь мы нанесем на график третью функцию P' , отражающую соотношение $\Delta Y_{t+1} = I_t/z$. Наклон этой функции, P' , равен $\Delta K/\Delta Y = z$, т. е. константе. По отношению к функции сбережений Y является независимой переменной; по отношению к P' — зависимой; следовательно, величине z придается значение коэффициента производительности.

Допустим, что OY_1 есть первоначальный доход года 1, полученный при условии полной загрузки мощностей. Этот уровень дохода порождает поток инвестиций $S_1 = I_1 = \Delta K$. В результате осуществления этих инвестиций производственные мощности возрастают на величину $S_1 P_1 = Y_1 Y_2 = \Delta Y$. Приростная норма капиталотдачи задается соотношением $S_1 Y_1 / Y_2 Y_2 = z$. Доход при полной загрузке мощностей возрастает с OY_1 в году 1 до OY_2 в году 2. Так как доход вырос до уровня OY_2 , будут введены избыточные мощности. При данной функции сбережений доход возрастет только в случае роста инвестиций от I' до I'' , т. е. наблюдается эффект акселератора. Если прирост дохода $Y_1 Y_2$ действительно приводит к смещению инвестиций на уровень I'' , мы получаем новый объем дохода при полной загрузке мощностей OY_2 в конце года 2, порождающий инвестиции в объеме $S_2 Y_2$. Изобразив новую функцию P'' параллельно P' в связи с тем, что приростная норма капиталотдачи есть константа, находим, что производственные мощности выросли на $S_2 P_2 = Y_2 Y_3$ и новый объем дохода, произведенный при полностью загруженных мощностях, равен OY_3 . «На глаз» видно, что $Y_3 - Y_2 > Y_2 - Y_1$,

иначе говоря, производственные мощности все время растут, и прирост их увеличивается по абсолютной величине, требуя такого же роста инвестиций с целью избежать появления избыточных мощностей. Доход, инвестиции, сбережения и потребление должны будут расти таким же образом, что в точности соответствует экспоненциальному росту. И все эти показатели на самом деле росли экспоненциально во многих странах на протяжении более чем столетия.

Следует отметить, что акселератор не является просто величиной, обратной коэффициенту продуктивности; если первый относится к доходу этого года, то второй — к доходу следующего. Коэффициент продуктивности, как мы видели, задается наклоном функции P' , или величиной $S_1Y_1 / Y_1Y_2 = S_2Y_2 / Y_2Y_3$. Акселератор же выражается как $S_2Y_2 / Y_1Y_2 = S_3Y_3 / Y_2Y_3 >$ что конечно же, не обратно наклону функции P' . В обычной интерпретации модели Харрода-Домара z является акселератором, а функция P' просто игнорируется. При этом причиной гладкого монотонного роста становится взаимодействие мультипликатора и акселератора. Кейнсианский мультипликатор, обратный предельной склонности к сбережению, представлен на **рис.5-4**: это просто величина, обратная наклону функции $S(Y)$. Мультипликатор определяется как значение соотношения $\Delta Y / \Delta I$, т. е. как изменение дохода, продуцированное приростом инвестиций. Таким образом, когда $'$ смещается в положение $''$, мультипликатор, так сказать, мультиплицирует прирост инвестиций в дополнительный доход Y_3 , что, в свою очередь, порождает незапланированные сбережения, которые могут быть инвестированы; в то же самое время акселератор «акселерирует» Y_2Y_3 в дополнительные инвестиции, обеспечивая тем самым равенство запланированных сбережений запланированным инвестициям в каждый период времени как условие для установления равновесия. Благодаря функции P' траектория дохода $Y_1Y_2Y_3$ также удовлетворяет нашему дополнительному условию полной загрузки производственных мощностей в каждый период времени.

На **рис. 5-4** предполагается, что склонность к сбережению, акселератор и коэффициент производительности капитала — константы. Здесь также игнорируется тот факт, что рост дохода продуцирует не весь дополнительный объем инвестиций — также имеют место «автономные» инвестиции, происходящие в результате изменений в технологии производства, накопления научных знаний, роста населения, короче говоря, всех причин, за исключением роста дохода, которые могут затронуть склонность к инвестициям; более того, автономные государственные расходы также не принимаются в расчет. Но **рис.5-4** легко может быть обобщен для случая нелинейных или содержащих автономную компоненту функций сбережения и инвестиций так же, как и для криволинейных функций P , отражающих снижающуюся производительность капитала. Все эти характеристики будут означать, что доход, инвестиции, сбережения и потребление могут расти с меньшими темпами для сохранения равновесия: это способствует сглаживанию экспоненциального роста, изображенного на **рис. 5-4**.

Результат этого отступления в область современной теории экономического роста — не отрицание самой возможности перманентной стагнации, а просто иллюстрация того, что она отнюдь не обязательно является неизбежной: ничто не исключает неуклонного роста сбережений и/или инвестиций в течение сколь угодно долгого промежутка времени.

Более того, как и в случае ранее рассмотренного различия между кейнсианской и марксистской безработицей [см. гл. 1, раздел 4], ясно, что кризис во времена Мальтуса весьма отличается от кризисов **XX** в. В те времена проблема состояла **не** в избыточном, а в недостаточном уровне сбережения. В ситуации, когда устоявшаяся склонность к сбережению недостаточна относительно потребности в инвестициях, позволяющих обеспечить занятость растущего населения (а именно таково было положение британской экономики после Ватерлоо), сбережение на самом деле — не зло, а благо. Это было неподходящее время для осуждения избыточного сбережения и отстаивания более низких темпов накопления капитала. Таким образом, **все**, что можно заключить

по поводу реальной опасности «вековой» стагнации в XX в., вряд ли вызовет более сочувственное отношение к теории Мальтуса.

Развитие британской экономики в период между смертью Мальтуса (1834) и опубликованием «Принципов» Джона Стюарта Милля (1848) породило много новых экономических проблем, которые нельзя было анализировать **на** базе простого расширения аппарата, применявшегося Рикардо. Среди них: рост объема иностранных инвестиций, сопровождаемый все более активной спекуляцией ценными бумагами иностранного происхождения, а также увеличение эмиграционного оттока рабочей силы **в** Новый Свет в таких размерах, которые могли воздействовать на внутренний рынок труда. Рикардо, используя закон рынков Сэя, выступил против опасений по поводу избытка капитала внутри страны. Он никогда всерьез не рассматривал возможность того, что эмиграция будет необходима, чтобы ослаблять, по Мальтусу, давление населения на средства существования — свободная торговля, и только она, есть достаточное условие для поддержания уровня процентной ставки и, следовательно, создания условий для дальнейшего экономического развития. Однако в **40-е** годы многие экономисты стали обсуждать теорию, утверждающую, что британская экономика страдает от хронической тенденции избыточного сбережения и что политика экспорта капитала и поощрения эмиграции может устранить периодические кризисы, которым она была подвержена после Ватерлоо. Короче говоря, нечто очень похожее на теорию «зрелой экономики» Кейнса-Хансена появилось **уже во** 2-й четверти **XIX** в. Любопытно, что авторитетное воспроизведение традиционных рикардианских теорий у Милля в 1848 г. содержало в том числе и одобрение тщательно разработанной Эдвардом Гиббоном Уэйкфилдом схемы государственной поддержки эмиграции. Защищая регулируемую колонизацию, Милль, тем не менее, предельно смягчил неявную в аргументации Уэйкфилда «стагнационистскую» линию и аккуратно изложил Закон Сэя — так, что отвергалась не сама возможность чередования экономических подъемов и спадов, а скорее возможность краха и перманентной недостаточности совокупного спроса по причинам, внутренне присущим рыночной экономике. Таким образом, он популяризировал неписанные законы колонизации, пренебрегая теорией, на которой они основывались. Массовой миграции **70-х** и начала 80-х годов практически не оказывалась государственная поддержка, и намного больше людей отправилось в Америку, чем в недостаточно населенные британские колонии. Вследствие этого общественный интерес к эмиграции угас, а **с** ним и беспокойство по поводу проблемы избыточного труда и капитала.

16. Что в действительности утверждал Мальтус

Том I «Принципов» Мальтуса, посвященный теории ценности и распределения, представляет собой намного более сложное чтение, нежели том **II**, специально посвященный проблеме общего перепроизводства. Очевидно, здесь соблюден типично рикардианский подход, делающий акцент на совершенной мере ценности, теории дифференциальной ренты, а также соотношении прибыли и заработной платы в суммарном объеме дохода за вычетом ренты. Тем не менее, в отдельных вопросах Мальтус спорит с Рикардо, подчеркивая центральную роль эффективного спроса. Он различает рикардианскую «величину спроса» как количества реально приобретаемой по данным ценам продукции и его же «интенсивность спроса» как «готовность и способность жертвовать многим с целью купить желаемую вещь». Такое различие имеет целью прояснить значение слова «перепроизводство» (*gluts*) как избытка предложения относительно интенсивности спроса, вызывающего падение цены ниже себестоимости. Однако мысль о том, что смещение кривой спроса отличается от движения по ней, далее не развита. Мальтус демонстрирует отсутствие интереса к теории спроса как таковой и никак в явном виде не использует свои терминологические разъяснения. Подобным образом он отвергает меру ценности Рикардо и возвращается к стандарту Смита, числу единиц труда, могущих быть обмененными на товар. Его аргументация в пользу этой меры ценности крайне бессвязна, и похоже, что его предпочтение основано не более чем на том, что она позволяла ему определить общее перепроизводство как

случай, когда число единиц заработной платы, предоставляемых текущим производством, недостаточно по сравнению с объемом прямых и косвенных затрат труда, воплощенных в выпущенной продукции. На всем протяжении тома I Мальтус, похоже, старается порвать с постулатами Рикардо, но на самом деле, целиком остается у них в плену.

В самом начале «Принципов» и снова в заключительной части этого труда мы встречаем один из любимых подсобных доводов Мальтуса: что затраты на производительный труд (читай: инвестиции) неизбежно порождают недостаток эффективного спроса. Так как рабочие получают меньше, чем ценность произведенной ими продукции, «одна только покупательная способность работающих классов не в состоянии обеспечить стимулы для полного использования капитала». И эта разница не может быть покрыта спросом, предъявляемым капиталистами, так как «они, по предположению, обрекли себя на бережливость, чтобы, путем лишения себя привычных удобств и удовольствий, сберечь часть своего дохода и накапливать предметы роскоши». Следовательно, общее перепроизводство товаров будет существовать, пока покупательная способность сдерживается дополнительным «непроизводительным потреблением» со стороны части общества, не принадлежащей к классам капиталистов и рабочих. Это — вышеупомянутое заблуждение о «самоуничтожающихся сбережениях».

Но похоже, что пример, который Мальтус большей частью имел в виду, — это случай роста сбережений и инвестиций при минимальном уровне прибыли и краткосрочном предложении рабочей силы. Вспомним, что рикардианская теория падения нормы прибыли существенным образом основана на представлении о том, будто капитал и труд возрастают в одинаковой степени по отношению к ограниченным площадям земельных угодий, в результате чего растет себестоимость товаров рабочего потребления. В одном из фрагментов своей книги [см. гл. 4, раздел 24] Рикардо вкратце рассматривает эффект резкого ускорения накопления капитала при отставании роста населения; он считал, что это вызовет падение нормы прибыли вне всякой связи с ростом себестоимости производства пшеницы, и в краткосрочном аспекте эта ситуация будет соответствовать состоянию общего перепроизводства. Согласно Рикардо избыток этот носит временный характер, так как увеличение заработной платы способствует демографическому подъему, что опять приводит к росту краткосрочной нормы прибыли. Мальтус же подчеркивает неэластичность предложения труда в краткосрочном аспекте: «увеличение количества рабочей силы на рынке труда не может произойти как следствие исключительного уровня спроса на нее ранее, чем через **шестнадцать—восемнадцать** лет». Затем этот вывод немедленно обобщается: «экономике всегда свойственно увеличивать количество средств для поддержания существования рабочей силы быстрее, нежели происходит рост населения». Когда бы это ни происходило, увеличенные ставки **заработной** платы зажимают капиталиста в тиски «цен-издержек», и объем инвестиций снижается. С другой стороны, рост заработной платы не увеличивает эффективный спрос, так как росту потребления работники предпочитают праздность. Мальтус считал, что таким образом было показано, будто «неумеренная страсть к накоплению должна неизбежно приводить к превышению предложения товаров над тем его объемом, который структура и склонности данного общества позволяют с пользой потребить».

Совершенно справедливо, что если склонность к сбережению в экономике такова, что реализация инвестиционных и сберегательных намерений требует превышения темпа роста дохода над темпом роста рабочей силы, такого рода траектория роста не может поддерживаться достаточно долго. Но Мальтус, по-видимому, отстаивает краткосрочную версию подобного перманентного избыточного сбережения. Это на самом деле весьма любопытный вывод для автора «Опыта о принципах народонаселения», но безотносительно к этому он практически **не** имел смысла для экономики, где **6-10%** населения живет на общественное пособие. Единственным фактором производства, недостатка которого в то время не ощущалось, был труд.

Главная мысль, к которой Мальтус возвращается вновь и вновь: «сбережение, доводимое до чрезмерности, сведет на нет мотивацию для производства». Даже если имелось в виду, что слишком большой запланированный объем сбережений, поскольку он отличается от объема запланированных инвестиций, уничтожит «мотивацию для производства», это весьма сомнительный вывод в условиях, имевших место тогда. Но «принцип сбережения» для Мальтуса всегда означал «переключение средств, предназначенных для немедленного потребления, на направления, приносящие прибыль; или, другими словами... превращение дохода в капитал». И таким образом он заключает, что слишком высокая склонность к сбережению и инвестированию порождает определенные проблемы, ограничивая возможности потребления. Этот ложный вывод кратко обобщается на последних страницах книги Мальтуса, где автор осуждает тенденцию «поощрения сбережения» в то время, как и «недостаточное использование имеющегося в наличии... перенасыщает рынки Европы». «Как только капиталисты смогут осуществлять сбережения за счет неуклонно возрастающих прибылей, а **не** по причине уменьшения расходов, —, отмечает он, — тогда мы можем позволить себе благополучно и эффективно возмещать свои потери капитала путем отвлечения части увеличенного дохода на цели накопления».

Мальтус, как и Рикардо, время от времени отмечал, что не существует извечных пределов для расширения производства. «Вопрос о перепроизводстве, — указывал Мальтус, — состоит исключительно в том, может ли оно быть всеобщим, так же **как** и затрагивать отдельные сферы экономики, **а не в** том, может **ли оно** быть перманентным так же, как и временным». Короче говоря, состояния общего перепроизводства возможны, но любые кризисы, как общие, **так** и частные, по природе своей временны. **Если** принимать всерьез эти единичные замечания и благожелательно трактовать доктрину Мальтуса как попытку создать динамическую теорию оптимальной нормы сбережения, можно считать его нападки на закон Сэя выступлениями против смитианской доктрины, утверждающей, будто рост сбережения способствует экономическому росту. Мы можем таким образом придать некий смысл теории общего перепроизводства Мальтуса, но только за счет признания абсурдным страстного опровержения этой теории, сделанного Рикардо. Из тысяч слов, написанных Мальтусом по поводу общего перепроизводства, не более дюжины ясно выражают теорию избыточного сбережения, когда сбережение идентично инвестициям. Напротив, в большинстве своем писания Мальтуса прямо указывают на перманентное, а **не** на временное нарушение состояния равновесия. В этом смысле Джон Стюарт **Милль** был абсолютно прав, отмечая в своих «Принципах», что Мальтус и Сисмонди были убеждены в возможности «вековой стагнации» [см. гл. 6, раздел 16].

Рекомендации Мальтуса в области экономической политики сводились к снижению нормы накопления капитала и поощрению «**непроизводительного** потребления» со стороны класса лендлордов. Следовательно, его более ранние выступления в защиту Хлебных законов вполне гармонируют с основными заключениями его теории. Он предлагал программы общественных работ для смягчения бремени безработицы, однако, основываясь при этом на предположениях, отличных от кейнсианских. В частной переписке Рикардо и Мальтус обсуждали целесообразность привлечения незанятой рабочей силы для выполнения общественных программ, например дорожного строительства. Конечно, Рикардо не предполагал, будто строительство дорог поможет преодолеть послевоенную депрессию — если производственные мощности в то время использовались полностью, ассигнования на общественные работы просто увеличили бы спрос на потребительские **товары**; в результате инфляции ресурсы переместились бы из частного сектора в общественный, не затронув общий уровень **безработицы**. **Хотя** это рассуждение звучит похоже на дискредитированный «Обзор» (*Treasury View*) 30-х годов XX в., оно имело определенный смысл в современной ему экономике. Во всяком **случае**, Мальтус соглашался с Рикардо, добавляя, что общественные программы не требуют никаких дополнительных ассигнований. В «Принципах» Мальтус вернулся к идее общественных работ как временной мере облегчения бремени безработицы. Мальтус отмечал, что возможны два возражения на это **предложение**. Во-пер-

вых, политика общественных работ может помешать рабочим «постепенно приспосабливаться к урезанному спросу». Он считал, что это можно преодолеть установлением низкого уровня **заработной** платы. Во-вторых, финансирование общественных работ потребует увеличения налогообложения, а последнее вполне может привести к снижению инвестиционной активности в частном **секторе**. Этот недостаток с точки зрения Мальтуса как раз являлся достоинством общественных работ: «тенденция к уменьшению объема производительного капитала не может являться возражением против общественных работ, требующих привлечения значительных сумм за счет налогов, так как в определенной степени это именно то, что нужно».

17. Рикардо и Мальтус

Дискуссия между Рикардо и Мальтусом по поводу возможности общего перепроизводства никогда **бы** не вызвала путаницы, **если бы оба** ее участника твердо определили, что на самом деле означает закон Сэя. Рикардо совсем не считал послевоенную депрессию предвестием «вековой» стагнации, что почти с полной уверенностью предполагал Мальтус. Рикардо писал Мальтусу: «Мне часто казалось, будто Вы утверждаете не только, что производство может расширяться сколь угодно без адекватных причин, но еще и то, что это реально произошло в последнее время, последствия чего мы переживаем в виде стагнации». В результате Рикардо был вынужден отстаивать действительность закона Сэя для любого момента времени; это само по себе говорит о его понимании закона Сэя не как отрицания невозможности депрессии, а как утверждения о долгосрочной экономической **тенденции** к равновесному состоянию с полной занятостью. Но вместо раскрытия процесса, ведущего к автоматическому поглощению неуклонно возрастающего выпуска продукции, Рикардо прибегнул к догматической формулировке тождества Сэя. Мальтус не смог результативно оспорить закон Сэя и не выказал побуждения к корректной постановке проблемы. Кроме того, в дискуссии присутствовал редко затрагиваемый, но всегда имеющий место подспудный политический мотив. По Мальтусу, интересы землевладельцев отнюдь не противоречат всегда интересам остального общества — напротив, экономическое процветание зависит от процветания класса лендлордов. Без сомнения, выступления Рикардо в защиту жесткой версии закона Сэя в той же степени, что и его доктрина об эффекте повышения производительности сельского хозяйства, мотивировались его политическим предубеждением против сословия лендлордов⁴. Закон сравнительных издержек демонстрировал преимущества отмены Хлебных законов; анализ политической обстановки свидетельствовал, что такой акт был невозможен без ослабления общественного влияния лендлордов; в этом смысле взгляды Мальтуса были политически опасны, и им следовало противостоять.

Подобные замечания, хотя и иллюстрирующие страстность обсуждения проблемы, связанной с законом Сэя, не должны влиять на наше суждение по поводу аналитических вопросов. Мальтус видел проблему — проблему стагнации, протекающей от неадекватного спроса. Но его анализ не отличается аккуратностью, и в ходе рассмотрения он делает одну логическую ошибку за другой. Рикардианское оправдание закона Сэя носило догматический характер и едва ли может быть признано безупречным, но оно было логичным, сопровождалось изложением его посылок и допущений. Роберт Торренс, современный ему экономист, резюмировал это таким образом: «Политическая экономия в представлении мистера Рикардо более систематична и **проста**, нежели реальная экономика; в представлении мистера Мальтуса это смешение оригинальных и не связанных **друг** с другом элементов». К счастью для истории экономической мысли хорошая логика возобладала над плохой. Победа Мальтуса превратила бы экономическую науку в райские кущи для шарлатанов, готовых предложить панацею для излечения якобы присущих экономической системе недугов. Можно лишь изумляться поразительному утверждению Кейнса, что «если бы только труды Мальтуса, а не Рикардо послужили исходным пунктом для последующего развития экономической науки **XIX** в., насколько мудрее и богаче был бы мир сегодня». Несомненно, экономическая теория только выиграла бы от продолжения дискуссии о значении

закона Сэя; изъяны аргументации Мальтуса, ее неблагоприятные политические оттенки и стремление придать научный статус своему «учению» в рамках рыночной экономики — **все** это, к сожалению, обуславливало невозможность конструктивной полемики. Понадобилось много лет, чтобы это понять; Хансен писал в своем труде «Хозяйственные циклы» (1927): «Школа Сэя — **Рикардо**, будучи в основном глубокой и серьезной, тем не менее оставила проблему (хозяйственных циклов) неразрешенной. Как часто случалось с экономическими обобщениями, она рассматривала эту проблему в долгосрочном аспекте, **что** в действительности означало вовсе отказаться **от** ее **осмысления**. С другой стороны, решение **Лодердейла—Мальтуса—Сисмонди** выглядит логически несостоятельным для каждого, кто пожелает взять на себя труд обдумать проблему от начала до конца».

РЕКОМЕНДАЦИИ К ДАЛЬНЕЙШЕМУ ЧТЕНИЮ

Кроме соответствующих частей «Принципов» Рикардо и «Принципов» Милля важными первоисточниками по проблеме закона рынков Сэя являются «*Letters to Maltus*» (1820, **перевзд. 1936**) Ж. Б. Сэя и очерк Дж. Ст. Милля «*On the Influence of Production on Consumption*» в книге «*Essays on Some Unsettled Questions of Political Economy*» (1844, **перевзд. 1948**). Существует также знаменитая переписка Мальтуса и Рикардо, которую необходимо прочитать, чтобы оценить по достоинству. Всегда существовало определенное сомнение, кто на самом деле впервые установил закон рынков — сам Сэй или Джеймс Милль. В работе W.J. Baumol «*Say's (At Least) Eight Laws, or What Say and James Mill May Really Have Meant*» (**Ес.** May 1977), защищается приоритет Сэя, тогда как W.O. Thweatt в статье Baumol and James Mill on «*Say's Law of Markets*» настаивает на приоритете Милля.

Шумпетер является автором, наверное, наиболее блестящего комментария о роли закона Сэя в классической теории: «*History of Economic Analysis*», с. 615-625. В важной статье G.S. Becker and W.J. Baumol «*The Classical Monetary Theory: The Outcome of the Discussion*» (**Ес.** 1952), перепечатанной с исправлениями в **ЕЕТ**, впервые явно показано различие между равенством и тождеством Сэя, хотя вопрос об **этом** был поднят Ланге (Lange) еще в 1942 г. Указанная статья предваряет обсуждение этой темы в книге D. Patinkin «*Money, Interest and Prices*» (2-е изд. 1965), которую можно поставить в один ряд с трудом Хикса «*Ценность и капитал*» по значительному вкладу в современную микроэкономику; относительно нашей темы см. гл. 3, 8, 14, 15 и примечания A, F, G и в особенности L. Патинкин выступает против равенства Сэя как дезориентирующего понятия, поскольку **ни** один из экономистов классической школы не определил балансирующий механизм, который придал бы законную силу равенству Сэя. Это совершенно справедливо, однако подобное чрезмерное пристрастие к строгости приведет к отрицанию существования классической теории цен в долгосрочном аспекте по причине того, что ни один из классиков реально не продемонстрировал существование, определенность и стабильность равновесия на отдельно взятом товарном рынке.

В книге A.W. Marget «*Theory of Prices*» (1942), том II, глава 1, подвергается исчерпывающему анализу заявление Кейнса о том, будто все экономисты до него рассматривали отдельно теорию ценности и денежную теорию. Автор заключает, что один из «уроков истории экономической мысли» состоит в том, что развитие денежной теории фактически никогда не отстает от достижений в общей теории. Дополнительный материал по этой теме содержится в остальной части I тома II (см., в частности, с 606-620 о законе Кейнса), но его следует изучать в неразрывной цельности. Каково бы ни было окончательное отношение к попытке автора возродить количественную денежную теорию, ни один учащийся не должен пройти мимо этого великопленного образчика полемического таланта, столь обильно сопровождаемого фактическим материалом, что сноски буквально поглощают основной текст. Патинкин соглашается с этим высказыванием Кейнса, **но** по другой причине: он утверждает, **что** как классическая, так и неоклассическая теория **дихотомизирует** процесс ценообразования вследствие неудачной попытки интеграции толкований относительных и абсолютных цен.

По поводу этой грандиозной и нескончаемой дискуссии см. обзорную статью L.J. Mauer «*The Patinkin Controversy: a Review*», *КУК*, 19, 2, 1966, и версию современного учебника J. Ascheim and C.-Y. Hsieh «*Macroeconomics: Income and Monetary Theory*» (1969), гл. 2 и 7.

Блестящий анализ работы Торшона в частности и денежной теории вообще проделан у **Шумпетера** (Schumpeter «*History of Economic Analysis*», с. 276-299, 314-334 и **688-738**); см. также прекрасное вступление Ф.А. Хайека к репринту 1939 г. работы Торнтона (Thornton «*Nature of the Paper Credit*», 1802, стр. **36-58**); труды **D.A. Reisman** «*Henry Thornton and Classical Monetary Economics*» (*OEP*, March 1971); Т.В. Hutchison «*Thornton, Henry*», *IESS*, 16; **C.F. Peake** «*Henry Thornton and the Development of Ricardo's Economic Thought*» (*HOPE*, Summer 1977); Р. Beaugrand, J.C.W. **Ahiakpor** and C.F. Peake (Ibid. **Spring** 1982), которые развивают аргументацию в пользу определенного влияния, оказанного Торнтоном на Рикардо. Об истории доктрины принудительного сбережения см. статью Ф.А. Hayek «*A Note on the Development of the Doctrine of "Forced Saving"*» (*QJE*, 1932), перепечатанную в его работе «*Profits, Interest and Investment*» (1939), гл. 7; работы Viner «*Theory of International Trade*», гл. 4, раздел 3; **M.A. Hudson** «*Ricardo on Forced Saving*» (*ER*, June 1965); **B.A. Corry** «*Money, Saving and Investment in English Economics 1800-1850*» (1962), гл. 3; F. Machlup «*Forced or Induced Savings: An Exploration into its Synonyms and Homonyms*» (*REStat*, 1943), перепечатано в его «*Essays in Economic Semantics*» (1963).

Некоторые аспекты позиции Дж. Ст. Милля анализируются в статье **B.A. Balassa** «*John Stuart Mill and the Law of Markets*» (*QJE*, May 1959); здесь используются понятия «*commodity money*» и «*credit money*» вместо применяемых у нас «*accounting money*» и «*circulating money*». Л.С. Hunter в «*Comments*» (Ibid. May 1960), углубляется в классическую теорию сбережения и инвестиций. В статье «*Mill and Cairnes on the Rate of Interest*» (*OEP*, February 1959), тот же автор исследует неопубликованные заметки Кернса по вопросу краткосрочного воздействия денежных процессов на процентную ставку, отправленные Миллю, когда последний готовил шестое издание «*Принципов*».

По отношению к мальтузианской критике закона Сэя основным первоисточником является работа Мальтуса «*Principles of Political Economy*» (2-е издание, 1836, переизд. 1951). Дополнительный материал можно найти в книге «*Definitions of Political Economy*» (1827) Мальтуса, перепечатанной в 1936 г. с предисловием М. Paglin, также доступной в «*Five Papers on Political Economy by T.R. Malthus*», ed. С **Renwick** (1953) и «*Occasional Papers of T.R. Malthus*», ed. В. **Semmel** (1963). Использование Мальтусом специфической меры ценности с целью установить возможность общего перепроизводства объясняется в книге **Myint** «*Theories of Welfare Economics*», гл. 3. Вклад Мальтуса в теорию спроса анализируется в двух интересных статьях Смита (V.E. Smith) «*The Classicists' Use of "Demand"*» (*JPE* 1951), перепечатана в *EMDT*, «*Malthus' Theory of Demand and its Influence on Value Theory*» (*SJPE*, October 1956). Первая из этих работ особенно полезна для изучения взглядов всех ведущих классических авторов на проблему спроса.

Известный панегирик Кейнса Мальтусу можно найти в его «*Essays in Biography*» (1933). **Хатчисон** (Hutchison), следуя по стопам Кейнса, прослеживает развитие школы «недопотребления» XVIII в., которая была загнана в подполье смитианской теорией сбережения, достигшей кульминации в законе Сэя: «*A Review of Economic Doctrines, 1870-1929*» (1953), с. 346-356. См. также его же «*Bentham as an Economist*», (*EJ*, 1956), перепечатано в *EET*: Вентам создал большинство своих экономических работ в два последних десятилетия XVIII в., продолжая род макроэкономического денежного анализа, который развивали Кантильон и **еро** современники.

Исторический и интеллектуальный контекст полемики о перепроизводстве после смерти Рикардо освещен в работе автора этих строк «*Ricardian Economics*», гл. 5. Ряд убедительных замечаний по поводу бесплодной дискуссии Мальтуса и Рикардо предложен в статье G.J. Stigler «*Sraffa's Ricardo*» (*AER*, September 1953). Аргументация Мальтуса рассматривается вновь и с замечательной ясностью в книге R.G. Link «*English Theories of Economic Fluctuations, 1814-1848*» (1959), гл. 2. См. также вышеупо-

мянутый труд Шумпетера, с. 480-483. Многие авторы утверждают, что нашли у Мальтуса многие составляющие элементы «Общей теории». Однако **В.А. Corry** кратко доказывает, что Мальтус не может считаться предтечей Кейнса: «*Malthus and Keynes — A Reconsideration*» (*EJ. December 1959*); см. также мою «*Rkardian Economics*», приложение **В**; а также **R.D.C. Black** «*Parson Malthus, the General and the Captain*» (*EJ. March 1967*). Противоположная точка зрения отражена в работах **S. Hollander** «*Malthus and Keynes: A Note*» (*EJ. June 1962*); **P. Lambert** «*L'oeuvre de John Maynard Keynes. Expose — Analyse critique Prolongements*» (1963), гл. 3. **Не** только Мальтус являлся активным сторонником государственных расходов — его взгляды в то время абсолютно совпадали **с мнением большинства**. **Сопу** «*Money, Saving and Investment in English Economics*», гл. 7-9. См. также небольшую, но спорную работу **H.G. Vatter** «*The Malthusian Model of Income Determination and its Contemporary Relevance*» (*CJEPS. February 1959*). **В статье В. J. Gordon** «*Say's Law, Effective Demand, and the Contemporary British Periodicals, 1820-1850*» (*Ec. November 1965*), показано, что Мальтус при жизни не испытывал недостатка в сторонниках. Но как объясняется в работе **F.W. Fetter** «*Economic Controversy in the British Reviews, 1802-1850*», эти сторонники почти всегда представляли одну из крайностей политического спектра; это не в последнюю очередь повлияло на то, что они не смогли достичь взаимопонимания с **рикардианской** школой. В последующей статье **того же автора по тому же поводу** «*The Rise and Decline of Ricardian Economics*» (*HOPE. Spring 1969*), достаточно точно показано, насколько ложным показалось **бы** кейнсианское представление теоретической дискуссии между Мальтусом и Рикардо современникам последнего.

Недавняя книга **T. Sowell** «*Say's Law. An Historical Analysis*» (1972), кратко изложенная в гл. 2 его же «*Classical Economics Reconsidered*» (1974) привносит новый акцент **о роли Сисмонди** в дискуссии; на самом **деле Сисмонди, а не Мальтус** считался **в то время** главным оппонентом **Раха Ricardia**. **Sowell** также отрицает, что закон Сэя в классический период имел какое-либо отношение к проблеме «вековой» стагнации, настаивая вместо этого на его направленности в область проблем краткосрочного «трения». При всем своем желании, я **не** могу принять его **итерпретацию**. То же самое можно сказать и о статье **S. Rashid** «*Malthus' Model of General Gluts*» (*HOPE. Fall 1977*), где утверждается, что центральной идеей Мальтуса является удовлетворение **потребностей**, а также **Eltis** «*The Classical Theory of Economic Growth*», гл. 5, где **говорится, будто Мальтус** не отождествлял сбережения и инвестиции, а также четко разделял запланированные (*ex ante*) и реализованные (*ex post*) сбережения и инвестиции. Если читатель теперь убежден в том, что он понимает значение закона Сэя, по крайней мере в современном смысле, ему не мешало бы посмотреть работу **W.H. Hutt** «*A Rehabilitation of Say's Law*» (1974), где утверждается, будто закон Сэя действителен во все времена и, парадокс из парадоксов, представляет полное и удовлетворительное объяснение внутренне присущей современному индустриальному обществу тенденции к депрессии!

По поводу дискуссии 30-40-х годов XIX в. об эмиграции как решении проблемы роста населения, а также о колонизации как средстве борьбы против экономической стагнации внутри страны см. труды **D.N. Winch** «*Classical Political Economy and Colonies*» (1965), гл. 5, **би 9**; **E.R. Kittrell** «*The Development of the Theory of Colonization in English Classical Political Economy*», *SEJ, 1965*, перепечатанов «*Great Britain and the Colonies, 1815-1865*» под ред. **A.G.L. Shaw** (1970).

Настоящим противником сбережения в то время был совсем не Мальтус, а граф Лодердейл (Lauderdale), чья часто упоминаемая, но редко читаемая работа «*Inquiry*» была издана в 1804 г. У Феттера (**F.A. Fetter**) дается великолепная критика выступления **Лодердейла** против **смитианской доктрины бережливости**: «*Lauderdale's Oversaving Theory*», *AER*, June, 1945. Более легкие для чтения статьи, рассматривающие причины **нигилистической позиции Лодердейла**: **A.V. Cole** «*Lord Lauderdale and His "Inquiry"*» (*SJPE. June 1956*); **M. Paglin** «*Malthus and Lauderdale: The Anti-Ricardian Tradition*» (1961). Другим значительным, но игнорируемым предшественником Кейнса был **Томас Джоплин (Thomas Joplin)**, писавший о валютных проблемах; **он** в отличие от Мальтуса считал сбережения функцией от дохода. О нем см. работы **R.L. Meek** «*Thomas Joplin*

and the Theory of *Interest*», *REStud*, 18, 3, 1951; R.G. Link «*Theories of Economic Fluctuations*», гл. 3.

Представление односекторной модели роста Харрода—Домара можно найти в любом из многочисленных учебников по теории экономического роста. Блестящий, но довольно сложный анализ динамики модели проведен в книге Р.Аллена «Математическая экономия», гл. 3 (имеются ссылки на соответствующую литературу).

Примечания к главе 5

Дихотомия - логическая операция деления родового понятия на два видовых (например, ценность = потребительная ценность + меновая ценность). В данном случае Патinkin мог иметь в виду, что каждая из двух названных теорий рассматривала комплексный процесс ценообразования как два отдельных процесса.

Данное замечание, сделанное по конкретному поводу, чрезвычайно важно с точки зрения общеметодологической. Нельзя не заметить, что в литературе XIX-XX вв. слишком много суждений старых авторов было сделано без подобного различения.

Working balances - строго говоря, означает кассовые остатки наличных денег, употребляемые для балансировки (погашения сальдо) безналичных расчетов. В текстах чисто финансового содержания нередко переводится как "рабочие остатки".

Уместно заметить, что сам Рикардо был крупным землевладельцем (хотя недвижимость была приобретена им не по наследству, а за деньги). С другой стороны, Мальтус, который отстаивал положительную экономическую роль сословия лендлордов, сам был сыном одного из них, лишенным земли по майоратному праву. Для такого рода дворян существовало два вида карьеры: военного или священника.